

СОВЕТСКОМУ УЗБЕКИСТАНУ — 50 ЛЕТ

С НАГРАДОЙ РОДИ

Во время торжественного заседания ЦК Компартии Молдавии и Верховного Совета Молдавской ССР. На трибуне Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

НЫ, МОЛДОВА!

Фото специального корреспондента «Огонька» А. ГОСТЕВА.

На знамени Молдавской ССР — орден Октябрьской Революции.

«ВСЕ, КТО ВНЕС СВОЙ ВКЛАД В СОЗДАНИЕ НОВОЙ МОЛДАВИИ, КТО СТРОИЛ ЗДЕСЬ ЗАВОДЫ И ГОРОДА, РАСТИЛ САДЫ, УЧИЛ ДЕТЕЙ, ЧЕСТНО И С ПОЛНОЙ ОТДАЧЕЙ ДЕЛАЛ ЛЮБОЕ ДРУГОЕ ПОЛЕЗНОЕ ДЕЛО,— ВСЕ ОНИ МОГУТ СЕГОДНЯ С ЧУВСТВОМ ОГРОМНОГО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ СКАЗАТЬ: «МЫ ТРУДИЛИСЬ НЕ ЗРЯ», МОГУТ ПО ПРАВУ ГОРДИТЬСЯ СВОЕЙ ЦВЕТУЩЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

43 (2468)

19 ОКТЯБРЯ 1974.

Радостный праздник пришел на землю Молдавии. В единой семье братских народов Страны Советов трудящиеся республики отметили славный юбилей — 50-летие образования Молдавской Советской Социалистической Республики и создания Коммунистической партии Молдавии.

В праздничном убранстве здание дворца «Октомбрие». На флагштоках — Государственный флаг СССР, флаги всех братских союзных республик. 11 октября здесь состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Молдавии и Верховного Совета Молдавской ССР, посвященное славному юбилею. Бурными, долго не смолкающими аплодисментами, стоя, встретили участники торжественного заседания

Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, который в трудные послевоенные годы возглавлял коммунистов Молдавии, всех трудящихся республики в борьбе за построение развитого социализма в этом крае. В президиуме — товарищи В. В. Щербицкий, П. М. Машеров, Ш. Р. Рашидов, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, первый секретарь ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюл, Председатель Президиума Верховного Совета республики К. Ф. Ильяшенко, Председатель Совета Министров Молдавской ССР П. А. Паскарь, руководители делегаций союзных республик, первые секретари ЦК компартий: Грузии — Э. А. Шеварднадзе, Азербайджана — Г. А. Алиев, Литвы — П. П. Гришкявичус, Латвии — А. Э. Восс, Киргизии — Т. У. Усубалиев, Таджикистана — Д. Р. Расулов, Армении — А. Е. Кочинян, Туркменистана — М. Г. Гапуров, Эстонии — И. Г. Кэбин, Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Б. Ниязбеков, министр гражданской авиации Б. П. Бугаев, заведующий Общим отделом ЦК КПСС К. У. Черненко, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов, заместитель министра обороны СССР генерал армии В. Ф. Толубко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Голиков, члены Бюро ЦК КП Молдавии, заместители Председателя Совета Министров Молдавской ССР, члены Президиума Верховного Совета республики, знатные производственники, представители общественности. Здесь же — кандидат в члены Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии, первый секретарь Пловдивского окружкома БКП Дража Вылчева, руководители генеральных консульств ряда социалистических стран, аккредитованные в Киеве.

Торжественное заседание открыл первый секретарь ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюл.

С большим воодушевлением участники торжественного заседания избирают почетный президиум в составе Политбюро ленинского ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

Под бурные аплодисменты участников заседания товарищ Л. И. Брежнев зачитывает Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Молдавской ССР орденом Октябрьской Революции и прикрепляет орден к знамени республики.

С докладом о 50-летии Молдавской ССР и Коммунистической партии Молдавии выступил первый секретарь ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюл.

Со славной годовщиной трудящихся Молдавской ССР сердечно поздравили руководители прибывших на торжества делегаций.

Затем участники торжественного заседания с огромным подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев возложил цветы к памятнику В. И. Ленину в Кишиневе. На алой ленте надпись: «Создателю Коммунистической партии и Советского государства от Генерального секретаря ЦК КПСС».

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым цветы возложили руководители Молдавской ССР, а также главы делегаций, прибывших на торжества в Кишинев.

Вечером во дворце «Октомбрие» для участников торжественного заседания был дан праздничный концерт мастеров искусств

Первое деревце на Аллее Дружбы посадил Леонид Ильич Брежнев.

Кишинев. Площадь Победы. 12 октября 1974 года.

Молдавии, который прошел с большим успехом.

А на следующий день жители столицы республики, посланцы многих сел и городов пришли на площадь Победы в Кишиневе.

Здесь состоялись военный парад и праздничная демонстрация трудящихся. Праздничное шествие на площади Победы вылилось в яркую демонстрацию братского единства и нерушимой дружбы советских народов, верности ленинской партии, идеалам коммунизма.

13 октября состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева с партийным и советским активом Молдавской ССР. На встрече были члены Бюро ЦК Компартии Молдавии, заместители Председателя Совета Министров, министры республики, первые секретари горкомов и райкомов партии, ответственные работники аппарата ЦК Компартии Молдавии. Во встрече приняли участие руководители делегаций, прибывших в Кишинев на празднование 50-летнего юбилея Молдавской ССР и Коммунистической партии Молдавии.

Отъезд товарища Л. И. Брежнева из Кишинева.

ВИЗИТ Н. В. ПОДГОРНОГО В ФИНЛЯНДИЮ

14 октября в Хельсинки по приглашению Президента Финляндской Республики У. К. Кекконена прибыла советская государственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным для участия в

Встреча на аэродроме в Хельсинки.
Телефото Л. Портера (ТАСС).

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ

Забота о судьбах мира, стремление внести свой личный вклад в борьбу за то, чтобы на земле восторжествовали мир, безопасность и социальная справедливость, привели в Колонный зал более тысячи делегатов, представителей всех республик, краев и областей Советского Союза. На конференции сторонников мира рабочие и колхозники, деятели культуры, науки и техники, ветераны войны, служители церкви в течение двух дней, 9 и 10 октября, подводили итоги пути, пройденного за четверть века, намечали дальнейшие задачи советских сторонников мира.

На конференции присутствовала делегация Всемирного Совета Мира во главе с генеральным секретарем ВСМ Ромешем Чандра. В перерыве между заседаниями я беседовал с секретарем ВСМ, лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» аргентинским писателем Альфредо Варелой:

— Товарищ Варела, в Советском Союзе знают вас как видного общественного деятеля, борца за мир, давнего друга нашей страны. Вы неоднократно бывали в СССР, где участвовали в различных форумах сторонников мира. Не могли бы вы поделиться с читателями «Огонька» вашими впечатлениями о конференции?

— Помню свой первый приезд в Москву 25 лет назад, когда советский народ восстанавливал разрушенное войною хозяйство. Уже тогда я видел повсюду плакаты «Миру—мир!». С тех пор движение в защиту мира стало могучей силой в Советском Союзе. На него равняются сторонники мира всей планеты. Я глубоко взволнован всем тем, что происходит на конференции. Мы, члены делегации ВСМ, с чувством глубокого уважения и признательности отдаем должное тому огромному вкладу, который внесли и вносят в благородное дело защиты мира миллионы советских людей.

Многие члены делегаций говорили на русском языке, языке великого Ленина, ставшем могучим средством общения представителей народов. С председателем Чехословацкого комитета мира профессором Йозефом Лукашом мы разговаривали без переводчика.

— На нас, членов чехословацкой делегации, произвела огромное впечатление готовность участников конференции, представляющих все слои советского общества, отдать без остатка свои силы претворению в жизнь Программы мира. Эта программа отвечает интересам народов, трудящихся масс, которые ненавидят агрессию во всех ее формах и проявлениях, отвергают поли-

торжествах по случаю 30-й годовщины подписания соглашения о перемирии между СССР и Финляндией и 30-летия общества «Финляндия — Советский Союз».

14 октября в президентском дворце состоялись переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Президентом Финляндской Республики У. К. Кекконеном. В ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, Н. В. Подгорный и У. К. Кекконен обсудили состояние советско-финляндских отношений и перспективы их дальнейшего развития. Они обсудили также актуальные международные проблемы, уделив первостепенное внимание укреплению безопасности и развитию сотрудничества в Европе.

В тот же день в Хельсинки состоялось торжественное заседание Центрального правления общества «Финляндия — Советский Союз», посвященное 30-й годовщине создания общества. На заседании присутствовали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, члены советской государственной делегации, Президент Финляндской Республики У. К. Кекконен, члены правительства и парламента Финляндии, члены Центрального правления общества «Финляндия — Советский Союз», активисты этой массовой организации, представители политических партий и общественных организаций Финляндии. На заседании было оглашено приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева Центральному правлению общества «Финляндия — Советский Союз», которое было встречено продолжительными аплодисментами.

Тепло встреченный присутствующими, с речью выступил Н. В. Подгорный. Он также огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении общества «Финляндия — Советский Союз» орденом Дружбы народов и под продолжительные аплодисменты вручил эту награду.

МИРА

тику, ведущую к разжиганию вражды и международных конфликтов. Чехословацкий народ стоит вместе с советским народом в едином строю борцов за мир. Миролюбивая политика СССР является и нашей политикой.

У всех делегатов было приподнятое, праздничное настроение. Перед самым открытием конференции стал известен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Советского комитета защиты мира орденом Дружбы народов. Этой высокой награды комитет удостоен за большой вклад советской общественности в борьбу за мир, международную безопасность и сотрудничество, за плодотворную деятельность во всемирном движении миролюбивых сил, а также в связи с его 25-летием.

10 октября, тепло встреченный собравшимися, с речью выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. По поручению Центрального Комитета партии, Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства он сердечно и горячо поздравил участников конференции, Советский комитет защиты мира с наградой Родины. Б. Н. Пономарев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР и под продолжительные аплодисменты собравшихся прикрепил орден Дружбы народов к знамени Советского комитета защиты мира. В ответном слове председатель Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов от имени советских борцов за мир заверил Центральный Комитет Коммунистической партии, Политбюро ЦК и лично товарища Л. И. Брежнева в том, что советские сторонники мира будут и впредь умножать свои усилия в борьбе за торжество великого дела мира. Участники конференции подчеркивали важную роль Центрального Комитета, Политбюро ЦК и Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в том, что Программа мира проводится в жизнь.

С большим подъемом участники конференции приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС. Делегаты также приняли резолюцию, избрали новый состав Советского комитета защиты мира.

Ю. СВЕРДЛОВ

На снимке: во время работы конференции.
Фото В. Кузьмина (ТАСС).

НОВОЕ ДЫХАНИЕ ЛИССАБОНА

Николай ПАСТУХОВ

Итак, перевернута еще одна страница совсем молодой истории португальской демократии. Прогрессивные силы страны, опираясь на поддержку широких народных масс, ликвидировали заговор реакции, нити которого уходили в лабиринты Центрального разведывательного управления США. Газета «Юманите», ссылаясь на сообщения вашингтонских обозревателей, пишет, что ЦРУ пыталось руководить действиями демонстрации «молчаливого большинства» в Лиссабоне и рассчитывало таким образом толкнуть генерала Антониу ди Спинолу на то, чтобы избавиться от тех лиц в руководстве новой Португалии, которые считаются «опасными» для Соединенных Штатов.

В моем блокноте, который я заполнял два месяца назад, во время поездки по Португалии, имеется запись беседы с сотрудником международного отдела ЦК ПКП Джозе Оливейра.

— Не могли бы вы,— спросил я его,— дать характеристику таким партиям, которые именуют себя «либеральной», «демократической рабочей», «Партией прогресса»?

— Эти и целый ряд других подобных партий возникли под громкими вывесками вскоре после 25 апреля, когда была свергнута фашистская диктатура. Нам известно, что в их состав вошли лица с весьма сомнительной репутацией, от которых можно ожидать любых провокаций, вплоть до вооруженных...

Потребовалось всего лишь шесть недель для того, чтобы подтвердилась справедливость этих слов. Второго октября органы безопасности Португалии захватили в штаб-квартире одной из этих партий, именовавшей себя «Партией прогресса», склады боеприпасов и оружия (автоматы, пулеметы, минометы, гранаты) в таком количестве, которым можно было бы вооружить несколько тысяч человек.

Обратил на себя внимание и такой факт: штаб-квартира этой партии не случайно располагалась в непосредственной близости от дворца Сао-Бенто — резиденции временного правительства, возглавляемого Васку Гонсалвишем. Как видно, заговорщики вели крупную политическую игру, которая благодаря бдительности демократов закончилась полным фиаско. В результате были ликвидированы три политические партии, под вывесками которых орудовали реакционеры, а также их органы печати.

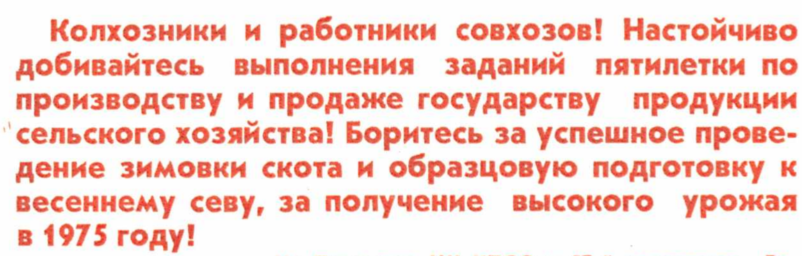
Из Совета национального спасения были удалены три генерала, а с поста президента республики ушел в отставку Антониу ди Спинола. Почему же так бесславно закончилась политическая карьера генерала? Этот вопрос сейчас задают многие. Ведь Спинола еще во время фашистской диктатуры действительно сыграл положительную роль в развитии «Движения вооруженных сил», а также в создании условий, благоприятствовавших историческому событию в жизни страны — 25 апреля. Но слишком велика была закваска старого воспитания и методов мышления, и вот генерал решил укрепить свою личную власть и затормозить процесс демократизации Португалии. Опираясь на премьер-министра первого временного правительства Карлуша, генерал задумал ускорить президентские выборы и стать, так сказать, не временным, а полновластным главой государства. Затем Спинола намеревался перенести на более поздний срок всеобщие выборы в Учредительное собрание, и кто знает... быть может, и вовсе от них отказаться. «Движение вооруженных сил» предотвратило этот маневр, и на смену первому пришло второе временное правительство, возглавляемое популярным в стране деятелем Васку Гонсалвишем.

В тревожные дни подготовки контрреволюционного переворота свою верность программе «Движения вооруженных сил» продемонстрировала Португальская коммунистическая партия, которая своевременно предупредила общественность страны о подготовке заговора. Орган ПКП газета «Аванте!» еще до начала вылазки контрреволюции потребовала запретить деятельность «Либеральной партии» и «Партии прогресса».

Вскоре после ликвидации реакционного заговора, 5 октября, впервые с 1926 года португальский народ торжественно отметил годовщину провозглашения в стране республики. В Лиссабоне на торжественной церемонии, посвященной Дню республики, новый президент Кошта Гомеш обратился к участникам празднества с той же самой веранды муниципалитета, с которой 64 года назад было объявлено о свержении монархии и установлении республиканского строя. А на торжествах в городе Порту выступил премьер-министр Васку Гонсалвиш, который заявил, что День республики — это одновременно и празднование победы, одержанной над реакцией.

Своеобразным всенародным референдумом, одобрившим программу «Движения вооруженных сил», явилось в Португалии воскресенье 6 октября, когда по призыву правительства миллионы граждан страны провели общенациональный День труда. Во всех городах работали фабрики и заводы, магазины и учреждения, а молодежь Лиссабона чистила стены домов и пьедесталы великих исторических памятников, замаранных надписями, которые сделали профашистские элементы и маоистские группировки. Один миллиард эскудо (около 40 миллионов долларов) поступил в государственную казну. Конфедерация португальской промышленности, представляющая 47 тысяч мелких предприятий, назвала преувеличением утверждение бывшего президента Спинолы, будто вскоре в Португалии воцарятся анархия и хаос, и заявила о твердой поддержке нового руководства страны.

В Португалии происходят позитивные перемены. Лиссабон после ликвидации недавнего заговора реакции обрел новое дыхание.

Колхозники и работники совхозов! Настойчиво добивайтесь выполнения заданий пятилетки по производству и продаже государству продукции сельского хозяйства! Боритесь за успешное проведение зимовки скота и образцовую подготовку к весеннему севу, за получение высокого урожая в 1975 году!

Из Призывов ЦК КПСС к 57-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

РУСАЯ КОСА РОССИИ

С. БОРИСОВ
Фото М. САВИНА.

Сколько хлопот со льном — посей в срок, подкорми, прополи, потом вытереби, дай вылежаться, да еще в снопы его свяжи, да вымачивай, а его, хоть и труден он, все равно только ласковым словом называют. Лен, ленок, шелк наш северный... Забот с ним, конечно, много, но и выгода большая: и волокно тебе, и пряжа, и масло. Да какая безо льна Россия!

Мы ехали по Смоленщине, по дороге на Рославль, целью поездки было хозяйство, где шла уборка льна. Председатель колхоза «Красный Октябрь» Александр Николаевич Прокопов встретил нас в поле.

Урожай говорил сам за себя. Он был здесь, перед глазами — в множестве маленьких остроконечных скирд, в изумрудно-золотых рядках поваленных стеблей, во внушительных горках только что собранных коричневых маслянистых семян и в ровной, рослой, нетронутой поросли еще не убранной части поля. Несжатый лен стоял, словно островок, и этот островок быстро уменьшался, таял под льноуборочным комбайном.

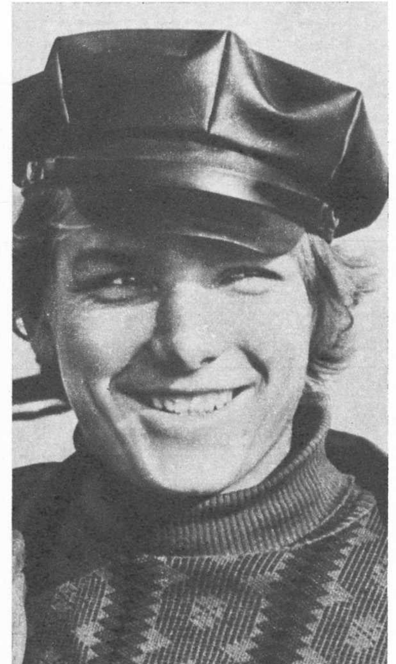
— Пять лет назад, когда я принимал это хозяйство, — говорит Александр Николаевич, — новое правление обратило самое серьезное внимание на лен. Пересмотрели данные о почве, проверили семена... А у меня тогда одна мысль зародилась — заметил, что на этих землях лен особенно хорошо всходит там, где были озимые. В сельхозинституте нам внушали: «Лучшим предшественником для льна является пласт многолетних трав». У нас многолетние травы привозные, прививаются плохо, одна тимофеевка растет, а она для льна — сорняк. Решили мы проэкспериментировать — посеяли весь лен по озимым. И в том же году колхоз сдал льносоломки тысячу с лишним тонн, с каждого гектара получили доход по тысяче восемьсот рублей. Это был невиданный здесь результат! Так и пошло дело.

— А вы давно живете в этих краях?

— Всю жизнь! — улыбается Александр Николаевич. — Вон там, за пригорком, деревня, где я родился. После службы в армии была у меня специальность радиомеханика, совсем уж было уходить на завод нацелился, да вот остался. Может, это лен меня к земле приворожил?

Вчерашний десятиклассник, тракторист совхоза «Плосковский» Николай Авдеев.

Лена Моисеенкова и Лена Орешкина: «Лен для нас и труд и радость».

Последний день уборки.

ИСКУССТВО БОРИСА НЕМЕНСКОГО

**Юрий ПИМЕНОВ,
народный художник СССР**

Я хочу написать о своих впечатлениях, которые получаю от искусства своего товарища, друга, о его творчестве, которое мне нравится, которое мне интересно.

Искусство для меня делится в первую очередь на холодное, рационалистическое и на теплое, душевное. Именно во втором, по-моему, заложены все живые качества живописи, ее современность, новаторство, ее необходимость людям. «Скажи: какой ты след оставишь? След, чтобы вытерли паркет... или незримый прочный след? В чужой душе на много лет?» Это великолепное стихотворение Леонида Мартынова относится, конечно, и к изобразительному искусству. Мне кажется, что только душевные, только по-настоящему человеческие интонации действительно западают в душу. Человеку нужно человеческое.

Борис Неменский принадлежит как раз к тем художникам, которые всегда говорят взволнованно, затрагивая глубокие, близкие людям темы. У этого мастера есть отличные вещи; у него, как и у всех, есть вещи неудачные. Но равнодушных произведений у него нет.

Зрители запомнили картины Неменского, начиная с самой первой. Запомнили надолго. Для художника это большое счастье — признание успеха его искусства.

Картины запоминаются по-разному. Иногда в памяти остается броская, эффектная, неожиданная форма — самое простое, неглубокое и, пожалуй, самое недолгое восприятие живописи.

Очень просто рассказать, как сделана поверхностная вещь. Но рассказать, как сделаны «Сборщицы колосьев» Милле или ивановские мальчики на берегу, трудно: эти работы обладают не только совершенной формой, но и чем-то еще более прекрасным и существенным — душой, которая является смыслом произведения, его образом.

Такие вещи, сложные и глубокие, воспринимаются так же сложно и глубоко, надолго становясь символом больших жизненных явлений.

У Бориса Михайловича Неменского есть картина, которая называется «Дыхание весны»; по-моему, это его лучшая работа. В ней живет сложный, тонкий образ, ее профессиональные качества очень высоки. Художники знают, как трудно написать землю и траву, утренний лес, сырость и туман, передать ощущения проснувшегося человека. Все это написано в картине отлично. Но зрителю даже не столь важно в данном случае мастерство, умение художника, потому что он уносит с собой нечто более высокое: УТРО, ТУМАН, УСТАЛОСТЬ И РАДОСТЬ ЖИЗНИ, ТЯЖЕЛОЕ БРЕМЯ ВОЙНЫ, НАДЕЖДУ НА СЧАСТЬЕ. Это сложное, глубокое произведение — одно из больших открытий живописца.

Неменский мужественно утверждает человечность, гуманность, лучшие качества людей. В предисловии к каталогу выставки этого художника Семен Чуйков написал, что «своеобразие его произведений заключается не в колорите, не в «почерке», а в том, что он выражает добрые чувства. Его искусство — доброе искусство».

Действительно, этот мастер программно утверждает добрые чувства людей. В его картинах нет персонажей злых, грубых, холодных, безразличных. Все его герои глубоко человечны, они бывают грустными, счастливыми, печальными, задумчивыми, лиричными, главным образом лиричными — лирика проходит через все творчество живописца.

Его герои размышляют о жизни, ищут решений, в том числе своих сложных, глубоко личных проблем. Задумалась о жизни и уставшая военная медсестра («Машенька»), и знакомый нам молодой солдат, проснувшийся в туманном лесу, и солдат в опаленном окопе, держащий в ладонях обгоревшие, хрупкие зерна пшеницы («Земля опаленная»). Печальны мысли одиноких женщин в картинах Неменского, и счастливы мысли его молодых матерей.

Этот художник любит своих героев, старается глубже понять их жизнь и заинтересовать ею зрителей. Ему это удается и потому, что сам обладает большими человеческими достоинствами и благодаря применению мощных, выразительных художественных средств.

Борис Михайлович хорошо рисует. Рисунок Неменского способен выразить самые тонкие нюансы человеческой индивидуальности. Его живопись сдержанна по цвету, но именно этой сдержанностью он передает напряженность жизни — его картины всегда внутренне динамичны. Иногда, например, в «Земле опаленной» цвет становится необыкновенно активным, воспаленным, обожженным. И все-таки, по сути, это сдержанный цвет — не реальная многоцветность действительности, а сдержанная, хорошо срежиссированная, выстроенная художником цветовая гамма, необходимая, чтобы выявить внутренний смысл данной картины. Такой характер письма представляется мне в высшей степени органичным для искусства этого мастера. В большинстве своих картин он ставит определенную тему, много раз продуманную, глубоко прочувствованную и бескомпромиссно сформулированную. Такому искусству и нужен, вероятно, цвет, задуманный художником в психологическом ключе.

Настоящее искусство, как мне кажется, всегда несколько автобиографично, всегда связано и с воспоминаниями и со своими представлениями о будущем. Особенно то искусство, которое мы называем реализмом и которое требует от художника и человеческой взволнованности и художнической точности.

Творчество Бориса Неменского представляется мне глубоко реалистическим. Это дает ему широкую и заинтересованную аудиторию, которая воспринимает его искусство как нечто глубоко гуманистичное и одновременно очень личное, пережитое. Об этом говорят многочисленные отзывы, обсуждения, письма, связанные с выставляемыми им работами. Искусство не многих художников имеет такой по-настоящему общественный резонанс.

У каждого из нас свой особый, только нам присущий мир. Каждый день мы встречаемся с сотнями людей и, следовательно, с сотнями миров — все они неповторимы. Показать особенность, индивидуальность человека — одна из труднейших задач искусства. Нужно отдать должное Неменскому: ему многое в этом удается. Но, конечно, бывают и срывы. Мне кажется, что в труднейшей задаче, которую он поставил себе в картине об одиноких женщинах («Три женщины»), он потерял меру характерности и этим ослабил свою умную тему.

Иногда некоторых современных художников, в том числе и Бориса Михайловича, упрекают в «литературности» их произведений.

Мне эти нарекания представляются неверными и непонятными: почему изобразительное искусство должно лишить себя таких выразительных форм воздействия, как рассказ, как настроение, как размышления, поскольку эти понятия (отнюдь не противопоказанные живописи), вероятно, и входят в слово «литературность». В этом смысле литературно искусство Милле, Дега, Борисова-Мусатова, «Похищение Европы» Серова, реалистические вещи Пикассо.

Тут я не могу не упомянуть выдержку из очень интересной монографии Н. Дмитриевой о Неменском, где она приводит высказывание Пабло Пикассо по поводу одной из работ Боннара: «В сущности, самое лучшее — это картины, исполненные литературности, те, что р а с с к а з ы в а ю т».

Должен еще написать о том, что мне кажется очень важным в творчестве Бориса Неменского. В произведениях некоторых художников преобладают смелые, мужественные, сильные телом и духом герои. Если эти образы по-настоящему художественны, они оказывают большое влияние на формирование людей. Герои Бориса Михайловича покоряют своей душевной чистотой, эта чистота представляется мне программной в его искусстве, и эти образы, эта тенденция, по-моему, очень нужны людям.

Но вернемся к тому, что сделал художник, к тому, что должно остаться в искусстве на долгие времена.

Отходит все дальше страшное время войны, а в военных вещах ему удалось передать и боль, и усталость, и трагизм тех лет, передать особой, присущей ему лирической интонацией. Насколько мне известно, эти вещи полюбились зрителям, как и тревожные картины шестидесятых годов, в которых нашли выражение заботы и надежды мира.

В последних его вещах, особенно нежных и хрупких, живут совсем юные люди — мальчики и девочки, живут среди цветов, рисунков и северной природы. Это еще одна тема в творчестве Неменского — художника неспокойного, который постоянно ищет смысл явлений и в зависимости от этого новую форму. Но смысл его творчества — человечность, гуманность, большая душевность — всегда остается его программой, и он последовательно проводит ее в своих произведениях.

Много времени, энергии, сил отдает этот мастер занятиям с детьми, эстетическому воспитанию, пропаганде художественных знаний — общественной деятельности, целью которой является широкая и глубокая связь народа и искусства.

Б. Неменский. ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ. 1955 г. Государственный Русский музей.

Б. Неменский. МАШЕНЬКА (СЕСТРЫ НАШИ). 1956 г.

Государственная Третьяковская галерея.

К 30-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТОЛИЦЫ ЮГОСЛАВИИ БЕЛГРАДА ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

...И ПО ОРУЖИЮ!

А. СОФРОНОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»

Время — лучший способ проверки великого братства народов, сражавшихся в одних рядах против немецкого фашизма в грозное четырехлетие 41—45-го годов.

Сейчас, через тридцать лет после того, когда над столицей Югославии Белградом затих гул сражений, невольно обращаешь взоры к тем незабываемым дням, снова перечитывая страницы книг и мемуаров, свидетельствующих о годах героического сопротивления югославского народа, слившегося на последнем этапе войны с великой исторической миссией Советской Армии, освобождавшей народы Европы и Азии от гнета немецкого фашизма и японского империализма.

У каждого народа — свои особые страницы борьбы. У югославского народа — свои, неповторимые.

Поэтому, читая появившуюся в 1974 году книгу С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны», с удовлетворением воспринимаешь заключительные строки главы «В Югославии»:

«...Время — лучшее мерило прочности содеянного в прошлом. Народы Советского Союза и Югославии верны дружбе, закаленной в самоотверженной борьбе против общего ненавистного врага. Эта дружба скреплена кровью, совместно пролитой на полях сражений под Белградом и десятками больших и малых городов и сел Югославии. 6 500 советских воинов спят вечным сном на югославской земле. Памятники над могилами павших славят тех, кто шел сюда сквозь пламя боев от стен Москвы, от руин Сталинграда, от развалин Киева и Минска, чтобы спасти от разрушения и огня мирные дома наших югославских братьев».

Свидетельством этого являются и взволнованные строки приветствия маршала Тито, написанные 21 октября 1944 года, на другой день после освобождения Белграда, командующему 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухину.

«Прошу,— писал он,— передать вверенным Вам войскам, действующим в направлении Белграда, следующее: выражаю свою благодарность бойцам, офицерам и генералам частей Красной Армии, которые совместно с частями НОАЮ освободили нашу столицу Белград.

Ваш героизм и упорство, проявленные в ожесточенных боях по освобождению Белграда, народы Югославии всегда будут помнить как незабываемый героизм войск Красной Армии. Ваша кровь и кровь бойцов НОАЮ, пролитая в совместном бою против общего врага, навеки закрепит братство народов Югославии с народами Советского Союза».

Известно, что во время войны на территории Советского Союза, недалеко от Москвы, формировалась югославская добровольческая воинская часть. Весной 1944 года она отправлялась на фронт. Мне, тогда военному корреспонденту «Известий», было поручено рассказать об этом на страницах газеты. 12 марта 44-го года была опубликована корреспонденция «Клятва югославских воинов».

«Трехцветное — сине-бело-красное, с красной звездой на белой полосе, подхваченное порывом ветра, знамя взметнулось над воинскими рядами...

И вот уже знамя в сопровождении почетного караула плывет перед строем. Стоят воины, вооруженные автоматами, пулеметами, минометами, противотанковыми ружьями — новым, современным оружием, которое выковал советский народ и передал своим братьям-югославам.

Проплыло знамя, и воины, солдаты и офицеры, вслед за командиром подполковником Месич произносят слова торжественной клятвы:

«Клянусь честью своего народа, что в рядах югославской добровольческой воинской части в СССР, как самостоятельной части Народно-освободительной армии Югославии, буду верно служить своему народу, борясь против оккупантов и отечественных предателей — врагов народной свободы и народных прав как на советско-германском фронте, так и всюду, где это потребуется.

...Клянусь, что не выпущу оружия из рук до тех пор, пока наша страна не будет очищена от оккупантов и пока народу не будут обеспечены его права и свобода...»

В составе этого соединения было немало испытанных воинов, скрещивавших оружие с фашизмом и на ратных полях Югославии и в Испании.

«Бороша — заместитель командира пулеметной роты. Будучи штурманом югославской гидроавиации перед войной, он сделал все, чтобы не оставить свой гидросамолет немцам, вторгшимся в Югославию. Он утопил машину. Но агенты Павелича снова мобилизовали Бороша, и, выполняя приказ Гитлера, его отправили на советско-германский фронт.

...Двое из экипажа самолета — с сердцем таким же, как у Бороша. Они летят из Кенигсберга бомбить русские позиции у озера Ильмень. Трое обезоруживают четвертого, настроенного профашистски. Внизу на дороге они видят немецкую колонну, направляющуюся к фронту. Немцы задирают головы и приветствуют самолет, машут ему руками. Но бомбардировщик делает крутой заход на дорогу, и бомбы сыплются на немецких солдат. Затем самолет продолжает путь на восток. В районе озера Ильмень он приземляется в расположении советских войск.

Бороша улыбается. Приятные воспоминания и у капитана Цвилич. Разница только в том, что Бороша приземлился на советской земле на самолете «Дорнье-17», а Цвилич — на самолете «Мессершмитт-109».

Сейчас оба они в мундирах воинов Народно-освободительной армии Югославии...»

Все это страницы давних военных воспоминаний, как и то, что каждому из нас пришлось пережить в те годы, горячо сочувствуя борьбе югославских партизан, видя в их мужестве много общего с мужеством советских партизан, героически сражавшихся в Брянских лесах, на Украине, в Белоруссии и на других оккупированных захватчиками советских землях.

...Осенью 1944 года маршал Тито вместе с начальником нашей военной миссии генералом Н. В. Корнеевым, находившимся с февраля 1944 года в ставке Верховного Главнокомандующего Народно-освободительной армией Югославии, прибыли в Москву.

Генерал-лейтенант Н. В. Корнеев, вспоминая о тех исторических днях, писал недавно в «Правде»:

«Именно в это время было принято решение о проведении совместной, силами советских, югославских и болгарских войск, крупной операции с целью полного и окончательного разгрома фашистской группировки в Сербии, операции, получившей название Белградской.

...До сих пор помню слова, сказанные маршалом Тито: «Запомните, товарищи, все это! Это торжество настоящего братства».

Как заповедь, читаются сейчас слова Политуправления 3-го Украинского фронта, выпустившего в те дни обращение к воинам в связи с переходом югославской границы:

«Товарищ боец, сержант и офицер! Ты вступил на территорию родной по духу и крови нам Югославии,— вступил для того, чтобы настичь и добить раненого фашистского зверя, уползающего под твоими ударами в свою берлогу...

Твоя задача, товарищ, состоит в том, чтобы перехватить отступающие по югославским дорогам немецко-фашистские войска, разбитые тобою в Румынии и Болгарии, а также и те, которые пытаются прорваться в Германию из Греции, Албании и самой Югославии...

Воин Красной Армии! Высоко и почетно имя твое в Югославии, как представителя великого русского народа, как представителя Советского Союза. Ты окружен любовью и уважением всего югославского народа как воин-победитель, воин-освободитель.

Всегда и везде помни, что ты пришел в Югославию не для того, чтобы навязывать Югославии свои законы и порядки, а для того, чтобы настичь и уничтожить бегущих под твоими ударами немецких разбойников.

...Воин Красной Армии! Высоко неси знамя твоей Родины. Пусть повсюду, где ты пройдешь, уничтожая врагов человечества — гитлеровцев и освобождая порабощенные ими народы,— пусть на веки веков останется в сердцах миллионов людей глубокая благодарность, любовь и уважение к тебе, воину Красной Армии».

...С тех пор прошло три долгих, насыщенных огромными историческими событиями десятилетия.

Мы прилетели в Югославию, чтобы повстречаться с теми, кто в совместных боях с Красной Армией, шаг за шагом, отвоевывал победу, а вместе с ней и свободу для народов Югославии.

Осталась ли память в сердцах югославов о годах совместной борьбы?

Как мы встретимся с теми, кто делил по-братски трудности тяжелых боев, не щадя своей жизни?

ЗАЕЧАР

Ранним утром из белградской гостиницы «Славия» мы тронулись по направлению города Заечар, расположенного почти на самой границе Болгарии. Заечар — один из первых городов, которые осенью 1944 года познали радость освобождения. Нас ожидали к десяти утра,

БЕЛГРАД. ОКТЯБРЬ 1944 ГОДА

Фото военного фотокорреспондента Е. ХАЛДЕЯ.

Советский и югославский флаги развеваются над освобожденным городом.

Так встречали жители столицы Югославии воинов 3-го Украинского фронта.

но шофер машины Сердолюб где-то в пути свернул на горную дорогу, и мы пошли проделывать широкие спирали среди начинающих желтеть горных лесов. О том, что мы ехали в обход, неудобной дорогой, мы догадались где-то в середине пути по безлюдью и отсутствию автомашин, лишь с большими интервалами мелькавших нам навстречу. Но вокруг был такой простор, такая беспредельная слитность гор с небом, что все это искупало задержку в пути.

На одном из перевалов мы поднялись к небольшому монументу, видимо, недавно воздвигнутому, на котором были начертаны мгновенно остро кольнувшие сердце слова: «Нас огнем учили любви, чтобы больше земля не горела».

Вскоре мы миновали один из центров югославской добычи меди, город Бор, также одним из первых тридцать лет назад познавший счастье свободы. К полудню мы оказались в Заечаре. Нас встретили взволнованно, не знали, куда мы исчезли. Опоздали мы более чем на два часа. Вскоре мы подъехали к площади, на которой под мраморным сводом была поставлена плита со словами памяти и уважения погибшим во время освобождения города советским воинам. По другую сторону высилась еще одна плита. На ней воздавалась честь погибшим в боях югославским воинам. К плитам были прислонены венки: Заечар несколько дней назад отметил тридцатую годовщину своего освобождения.

Николо Рачич, председатель общественно-политического веча Заечарской скупщины, предложил нам отправиться за город, туда, где в годы войны оккупанты казнили югославских партизан и бойцов народной армии. На высоком холме стоял памятник — три бетонных падающих виселицы, символ поражения оккупантов. Вдали чуть в дымке виднелся Заечар, небольшой город, испытавший тягчайшие муки.

...Уже совсем стемнело, когда мы оказались за дружеским столом. Николо Рачич, бывший учитель, просидевший всю войну в концентрационном лагере, сказал:

— Здесь у нас бывают советские товарищи. Недавно приезжал полковник Буденный. Нам сообщили, что это сын покойного маршала Семена Буденного.

Буденный — наш братишка,
С нами весь народ.
Приказ: «Голов не вешать
И глядеть вперед!» —

вполголоса пропели мы. И вдруг Николо Рачич преобразился:

— Вы знаете эту песню?

— Конечно. Выросли с ней.

— Я тоже... Я запомнил ее сорок три года назад... Но так и не узнал слов. Можете ее написать мне?— попросил Рачич.

...Во время первой встречи нам представили плотного, на вид сурового человека.

— Миодраг Еленкович,— сказал Николо Рачич,— партизанская кличка его «Корчагин».

— Почему Корчагин?

— Он сам себе избрал ее, прочитав еще до войны книгу Островского «Как закалялась сталь».

Миодраг Еленкович рассказывал:

— Когда началась война, мне было шестнадцать лет... До этого в недалеком отсюда городе Княжеваце тринадцати лет я поступил в швейную мастерскую. В сороковом году вступил в союз молодежи. Мы много слышали тогда о русской революции. К январю сорок первого года нас в организации было шестнадцать человек. Мы уже все испытали. Бастовали. Пережили первые горести оккупации. Капитуляцию Югославии. Бегство короля Петра... Бомбежку Белграда, о которой весть прошла по всей стране. Меня к тому времени избрали секретарем организации. Нашей задачей было собирать оружие и готовиться к восстанию. Весной 41-го года мы вступили в активную борьбу. У нас начали формироваться партизанские отряды. Все больше закалялась наша воля и формировалось сознание. Мы знали, что фашистская Германия напала на Советский Союз. И знали, что наше спасение идет от победы в этой войне Советского Союза. Мы обучались владению оружием — винтовками, автоматами и пулеметами. К сентябрю 41-го года начали разоружать жандармов. Взорвали железнодорожную станцию. Многие наши погибли в первых боях. В одном из боев я был тяжело ранен в грудь в лесу, в шести километрах от Княжеваца. Меня оттащили в шалаш. Там меня нашли фашисты. Хотели повесить, но я был без сознания. Товарища моего повесили здесь же в лесу. Меня переправили в больницу. Там был врач-хирург. Никто не знал, что он коммунист и знал немецкий язык. Около меня рыскали ищейки. Я лежал в больнице до марта 42-го года.— Горло Еленковича сжала спазма.— Я до сих пор не знаю, что делал врач, чтобы спасти меня. Затем меня переправили в другое место. Оправившись, я и там продолжал работать в подполье. Так продолжалось до января 44-го года. Потом меня и моих товарищей схватили и бросили в тюрьму. Зверски избивали, но никто из нас не проронил ни слова. Перевели в город Ниш. До июня держали в специальной полиции. Враги чувствовали, что приходит конец войны, и нас выпустили. В августе я вступил в 9-ю бригаду. Ко времени освобождения Заечара я был командиром взвода... И вот возле Бора, после одного из боев, мы встретили Красную Армию и наконец обнялись с теми, кто шел нам на помощь!

— Так встретились и мы,— сказал друг Корчагина, партизан Момчило Вукич по кличке «Слободан».

— Встретили советских солдат как родных братьев,— тихо проговорил Николо Рачич и вполголоса запел песню «По долинам и по взгорьям» с новыми словами, рожденными здесь, в Югославии.

ПОЖАРЕВАЦ

Перед тем, как оказаться в городе Пожаревац, мы остановились у шлагбаума возле железнодорожного моста через реку Морава. В этом году Югославия собрала щедрый урожай пшеницы, кукуру-

Гвардии капитан 109-й стрелковой дивизии С. Иванов среди белградцев.

Проверено — мин нет!

Они штурмовали Белград.

зы, сахарной свеклы, овощей и фруктов. Все это мы видели и здесь, на берегу реки. Автомашины, груженные свеклой и кукурузой, то и дело попадались на пути. А здесь, у шлагбаума, мы видели довольные лица крестьян, сидевших на груженных свеклой автомашинах и на арбах, запряженных волами.

Нас ожидали в освещенной солнцем комнате местной скупщины участники сражений за Югославию во главе с заместителем председателя скупщины Звонимиром Лисачем.

— Наш древний город всегда славился в Югославии. Но прославился он особенно в годы последней войны, когда здесь активно действовал партизанский отряд, который возглавил народный герой Югославии Велько Дугошевич. Он погиб в 41-м году. Партизаны назвали отряд его именем. После Велько Дугошевича комендантом отряда...

— Комендантом?

— По-нашему комендантом, а по-русски командиром стал Милое Милоевич, вот он,— сказал Звонимир Лисач, указав на сидящего за столом человека в черном костюме с орденскими планками и медалями на груди.

— Когда началась война,— начал Милоевич,— я был железнодорожным рабочим. Многие из нас сразу ушли в отряд. В нем собралось тысяча двести человек... Я не хочу говорить подробности о нашей борьбе. О ней подробно написано в книге Марковича «Тяжелые годы». Мы вам вручим ее в музее. Я хочу лишь сказать о том, что, когда наш отряд встретился с русскими бойцами, он был потрясен «катюшами».— Комендант энергично резанул рукой.— И мы вместе с русскими братьями пошли освобождать нашу землю. А сражаться было с кем... Из Греции гитлеровцы перебросили две дивизии... Это были самые жестокие немцы, с какими нам пришлось встречаться...

...В этом месте сделаем отступление. О состоянии немецких солдат можно судить по книге бывшего начальника штаба группы армий «Е» Эриха Шмидта Рихберга «Конец на Балканах».

«Осенью 1944 года,— писал он,— более чем 300 000 немецких солдат выступили с островов Эгейского и Ионического морей и из Греции, чтобы достичь своей родины... Эти немецкие солдаты, несмотря на все трудности, открыли себе дорогу на родину, но лишь для того, чтобы после тяжелых боев и маршей, уже видя приветствовавшие их Альпы, оказаться в балканском плену».

Конечно, гитлеровский военачальник при всей горечи поражения мог быть настроен несколько элегически. Милое Милоевич, вероятно, не читал книгу Рихберга, и никаких элегических ноток у него не было, когда он с яростью много пережившего человека говорил об ожесточенных сражениях, которые они вели совместно с бойцами Красной Армии.

— Мы не давали пощады гитлеровцам. Тысячи югославов были расстреляны ими за городом. Вы увидите сегодня это место... Там же мы захоронили четыреста сорок одного советского бойца, погибшего только в этих местах за освобождение Югославии.

— Мы отдали им последние почести,— сказал Младен Родулович, председатель организации Союза борцов Пожареваца.— Половина бойцов погибла, освобождая наш город. Они были похоронены с тем оружием, с которым они сражались за нашу землю. С орденами, все вместе.

— Каждый из сидящих здесь сражался с оккупантами,— нетерпеливо проговорил Милоевич и обратился к сидящей за столом немолодой женщине с черными сверкающими глазами:— Скажи, Милица, как ты воевала.

У Милицы Урошевич еще ярче засверкали глаза.

— Как воевала? Все делала, что надо.

— Партизанское имя у нее было «Звезда»,— сказал Младен Родулович.— Ее дом сожгли, всю родню убили... Всю, деверя... свекровь... Муж ее находился в концлагере... Говори же, Милица.

Милица сверкала глазами.

— Мы с мужем селяне... Но были коммунистами. Фашисты посжигали много домов здесь... Убивали... Расправлялись... Мы же все были в партизанах...

Милица, видно, никак не решалась рассказывать о себе.

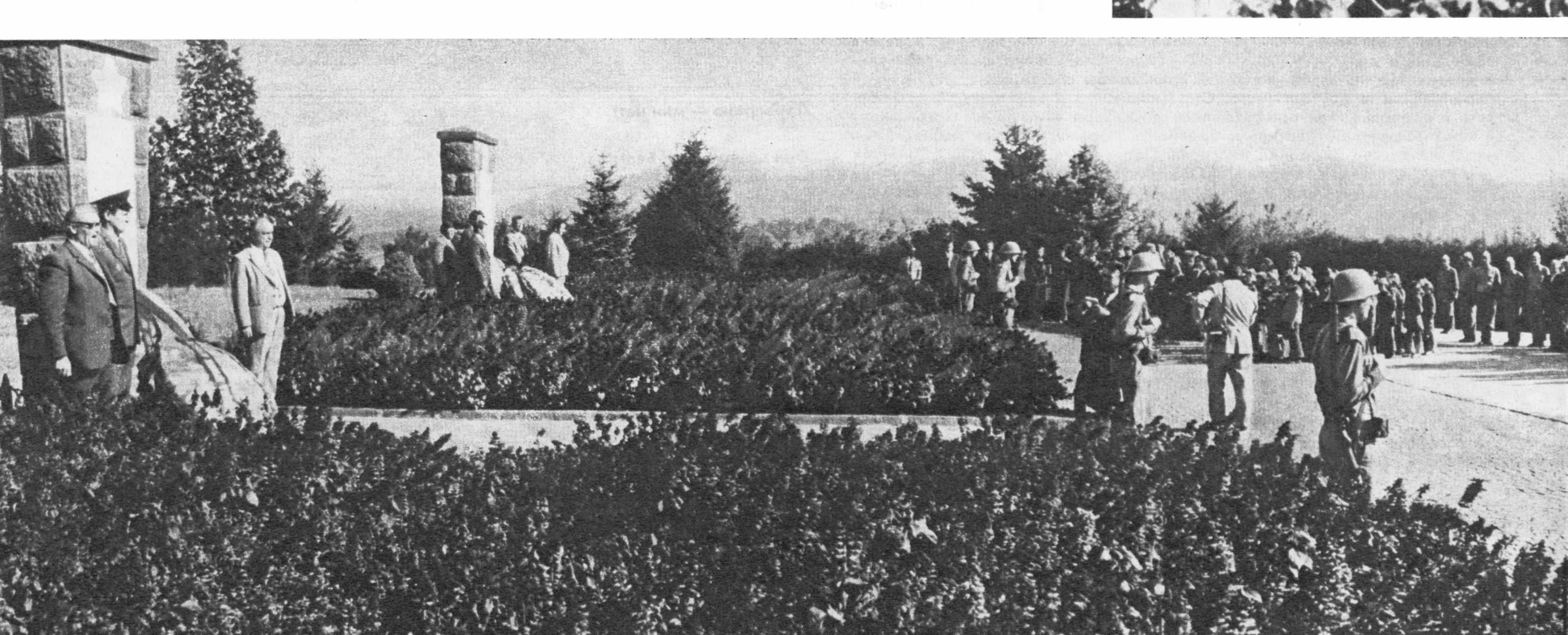
— Связная она была между партизанами и подпольщиками города,— сказал Родулович.— Расскажи, как ты испугалась.

— А чего было пугаться? Я никогда не пугалась.

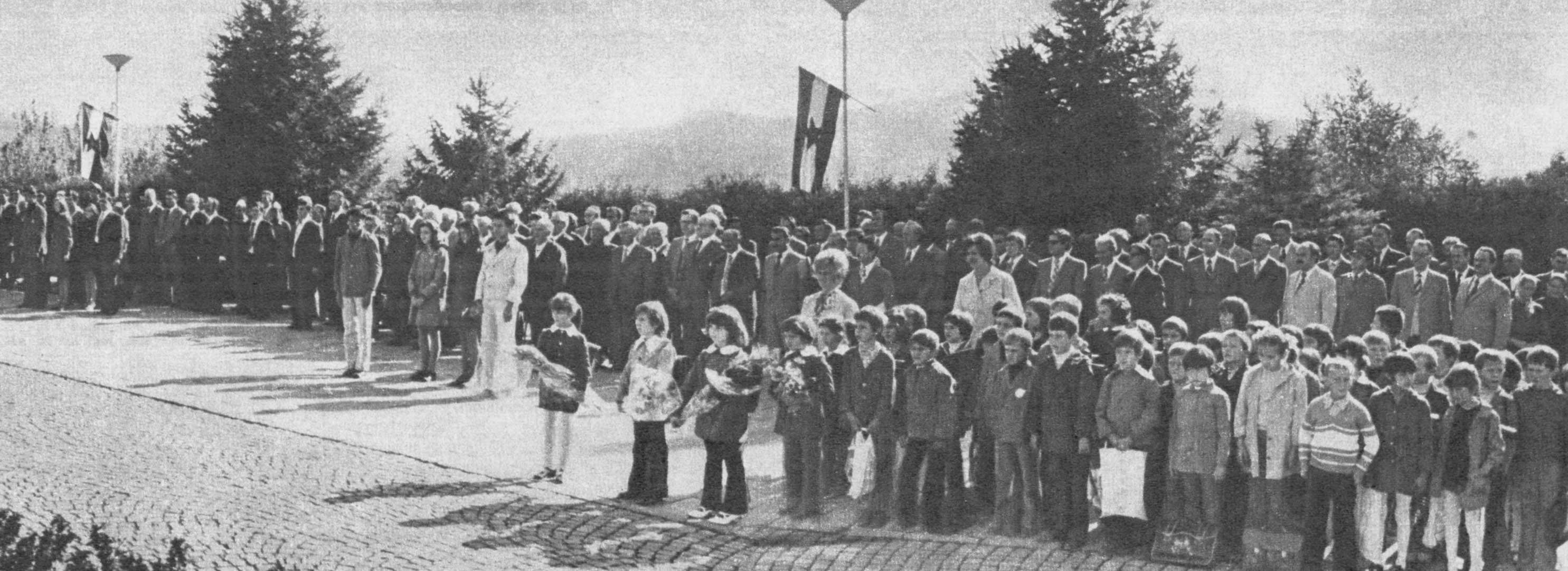
ГОРНИ-МИЛАНОВАЦ, 1962 ГОД. Леонид Ильич Брежнев и Иосип Броз Тито возлагают венки на могилы советских и югославских воинов-героев.

Фото из архива города.

ГОРНИ-МИЛАНОВАЦ, 1974 ГОД. В день 30-летия освобождения города страна воздает почести павшим героям.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

— Ну, у тебя же были трудные задания?

— Все были трудные,— не сдавалась Милица.

— А помнишь, как ты не тому человеку донесение передала?

— Как не тому? Тому... Только он был в другой одежде и пароль забыл... Вот я и беспокоилась.

— Но все же тому или не тому?

— Тому... Только он, дурной, забыл и про одежду и про пароль,— уже улыбаясь этому давнему и теперь смешному случаю, смущенно закончила рассказ Милица Урошевич.

Когда мы выходили из здания скупщины, Звонимир Лисач сказал:

— Между прочим, в этом здании во время оккупации помещалось гестапо.

Не торопясь, мы дошли до любовно сохраняемого музея, где нам передали снимок похорон советских летчиков, погибших при освобождении Пожареваца, и снимок матерей, у которых в это же время погибли их дочери. Подойдя к одной из витрин, Милое Милоевич указал на автомат:

— Это мой, из которого я уничтожал немецких оккупантов,— и здесь же, в музее, подарил нам свою фотографию с приветствием читателям «Огонька».

...Это был совершенно необычный памятник за городом, на холме, окруженном четыреста сорок одной березой.

— Все березы из-под Волоколамска,— сказал Младен Родулович.

— Из-под Волоколамска?

— Да... Русские березы. Мы попросили прислать нам побольше берез... Если какие не приживутся... Но прижились все.

Березы стояли чуть поодаль от этого удивительного памятника погибшим в боях советским воинам. Летели желтые листья... А мы рассматривали впаянные в железную дверь автоматы и диски автоматов, кое-где тронутые вражьими пулями и осколками... На двух стволах я увидел нацарапанные буквы «Н» и «М». Всего по одной букве. Чьи же были эти инициалы?

У подножия холма стоял другой монумент.

— Здесь оккупанты и четники расстреливали захваченных партизан, подпольщиков и просто жителей... Более двух тысяч расстреляны в этом месте,— глухо проговорил Родулович.

...А вокруг кипела жизнь. Звучало радио. Слышалось лопотание детей, сидевших в колясках, молодые лица матерей склонились над ними.

СМЕДЕРЕВО

И еще одна встреча. На этот раз в скупщине города Смедерево. Их было трое, сидящих перед нами. Председатель местного Союза борцов Душчич Трифун, Душан Надашкич и третий, стриженый, высокий, не назвавший свою фамилию и сидевший словно бы в стороне.

Смедерево — это уже совсем близко к Белграду. А известно, что чем ближе войска Народно-освободительной армии Югославии и войска 3-го Украинского фронта под командованием Толбухина подходили к Белграду, тем бои были ожесточеннее. А от Смедерева до Белграда чуть больше 60 километров.

— Именно здесь мы встретили советских солдат,— говорит Душчич Трифун.— Они шли из Болгарии. И мы видели, как работали «катюши». Превосходно работали. Здесь шли бои с немецкими мотодивизиями, переброшенными из Греции. К тому времени мы все знали, что маршал Тито вернулся из Советского Союза, а это означало, что на этом решающем этапе мы уже шли в бой не только с братьями по духу, но и по оружию. Шли рядом. Нас в борьбе вдохновляли победы Красной Армии под Москвой, Сталинградом, Севастополем...

— Я начал воевать, когда мне было пятнадцать лет,— как бы продолжил рассказ друга Душан Надашкич.— К этому времени я был настоящий солдат и пользоваться оружием умел отлично. В этот период нам надо было задерживать фашистов на дороге любыми средствами. Не просто задерживать, а уничтожать. Зажигательными гранатами мы поджигали машины. К одной из них в полной уверенности, что все фашисты уничтожены, я кинулся, но один из гитлеровцев лежал под машиной с автоматом. Я заглянул вниз, думая, что он мертвый. И в этот момент он дал очередь и ранил меня... Но я его тут же убил. Кровь хлестала из меня, но я этого не чувствовал. Такое было ожесточение... Я не хотел лежать в больнице... Пробыл в ней пятнадцать дней... Потом сбежал. Вернулся в Смедерево. Здесь уже был мотострелковый полк советских войск. Он шел на Белград. И мы пошли на Белград. И я уже помню бои за Белград. Ожесточенные... Мне прострелили ногу. Я лежал за каменным забором... Ко мне прыгнул под огнем советский солдат и вытащил меня. В это время с Дуная шли советские мониторы. Враги попали в котел... И еще я помню имя советского офицера Аркадия Шишкина. Он погиб на мониторе... Это было еще под Смедеревом. Одна улица у нас теперь носит имя Аркадия Шишкина...

— Вы знаете, как фашисты расправлялись с югославами?— спросил третий, молчавший до этого человек. Его звали Манойло Оклобжия.—За одного раненого расстреливали пятьдесят человек, за одного убитого — сто человек.

— Мы с ним из одного пятого класса гимназии,— сказал Душан Надашкич.—У него семья была из двадцати человек... Восемнадцать из них были уничтожены.

— Да, нас осталось только двое — отец и я... Уже после войны через какое-то время в Смедереве оказалась строительная бригада... Я был старшим по участку... Шофером у меня на грузовой машине был немец... Когда я ехал с ним, никак не мог отделаться от желания задушить его... И он это чувствовал. Чувствовал все время... И однажды он, а не я ему, сказал об этом. И сказал, что был антифашистом. «Все вы теперь стали антифашистами». Но он показал бумагу. В ней было написано, что он был узником концлагеря... И мы подружились с ним...

БЕЛГРАД

Конечно, военные историки всегда имеют преимущество перед литераторами, которые, беседуя с участниками сражений, порой выхватывают то одну, то другую сторону событий. Да это и естественно. Но, когда ты сам все же в курсе событий, происшедших много лет тому назад, и пользуешься доброй помощью военных историков, то частные свидетельства участников освещают новым и порой ярким светом эти события, делая их более драматичными.

Так было и с нами: чем больше мы приближались непосредственно к Белградской битве, тем больше виделись истоки победы, тем рельефней ощущались действительные причины **совместной** победы, завершившейся 20 октября 1944 года разгромом немецкой группировки в Белграде и освобождением столицы Югославии.

Признаюсь, мы получили истинное удовольствие от всех предыдущих встреч. С каким-то особым чувством направлялись мы в Белградский комитет Союза борцов. Все, что было рассказано нам во время этой встречи, как бы соединило все частные судьбы с общими делами.

Плотный, с легкой сединой человек в военной форме первым начал рассказ. Это был магистр исторических наук, начальник научно-исследовательского отделения военно-исторического института Йован Вуяшевич.

— Мне повезло,— начал он,— я прошел весь путь войны от начала до полного освобождения Югославии. Но весь путь я оставлю за чертой. Я хочу говорить только о Белграде, о том, что случилось после того момента, когда в районе горы Авала — а это двадцать пять километров от Белграда — мы встретились с частью Красной Армии. Вначале мы не узнали их и хотели стрелять. И красноармейцы тоже не узнали нас. Но что-то нас остановило... Рассмотрели все же в бинокли друг друга и кинулись в объятия. Югославские бойцы взгромоздились на советские танки. Это была незабываемая встреча. По старому славянскому обычаю советских бойцов встречали хлебом-солью. К нам с речью обратился советский майор и сказал: «Братья югославы, помощь пришла...» Все это у меня записано в моем дневнике, который я вел всю войну. Советские бойцы пели «Катюшу», мы знали мелодию, но не знали слов. Тогда капитан В. Суханов продиктовал нам слова этой песни. Я записал их в дневник и дал капитану Суханову расписаться.

Всем, конечно, первыми хотелось ворваться в Белград. На переговорах командованием было решено, что первыми пойдут в бой наш 1-й Пролетарский корпус и гвардейский механизированный корпус генерала В. И. Жданова.

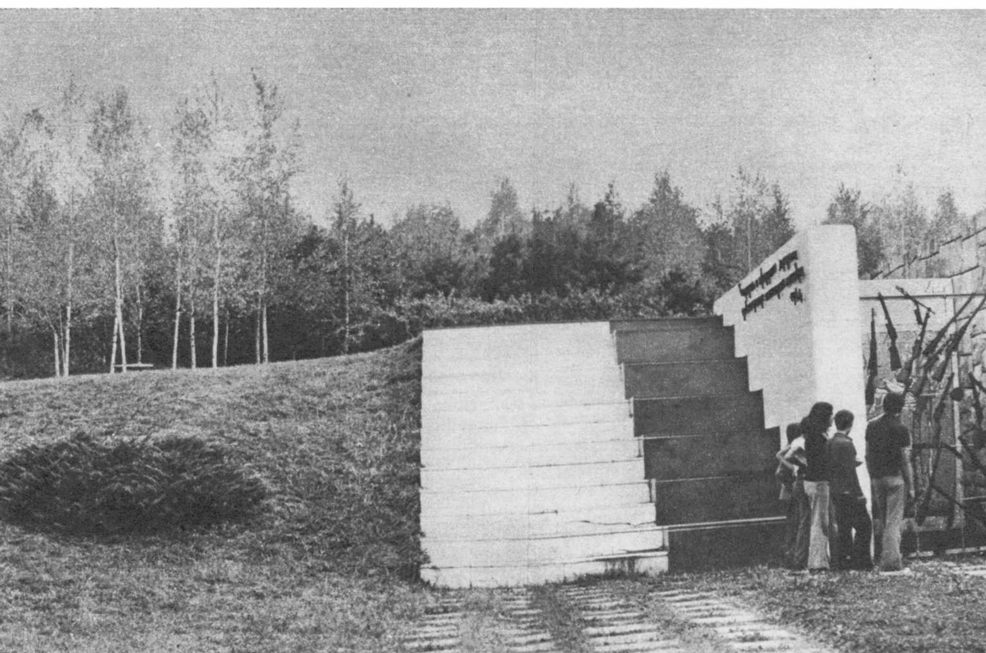
— Значит, когда мы теперь в Белграде проезжаем по улице Жданова...— хотел я задать вопрос полковнику, но не успел закончить фразу, как получил ответ:

— А как же?! Конечно, вашего, а точней, и нашего генерала Жданова. Да, вот так оно и было... Именно тот случай, когда вторые наши

СФРЮ. ОКТЯБРЬ 1974 ГОДА

Встреча в Белграде с Йованом Вуяшевичем (слева) и Мирославом Боничем.

Мемориал в Пожареваце. 441 советский солдат и офицер геройски пали, освобождая эту землю.

эшелоны подталкивали первые — скорей, скорей! Но прежде чем мы вошли в Белград, мы еще освободили страшное место у горы Авалы — местечко Яинцы, где оккупанты расстреляли восемьдесят тысяч человек... Восемьдесят тысяч...— Полковник на мгновение замолчал.— Это было символическое начало боев за Белград. Так мы начали! И так мы рассчитались с палачами и за советских людей и за своих югославов. Если я вам скажу, что в этом случае была кровная месть,— я не ошибусь. Мы знали муки ваших народов и знали свои муки. Ваш фронт мы считали своим фронтом. Мы получили приказ командира 1-го Пролетарского корпуса товарища Дапчевича освободить Белград 14 и 15 октября. Мы очень хотели выполнить этот приказ, но не смогли. Фашисты превратили Белград в крепость. Каждый дом был укреплен. Десять лет потом мы разминировали город. Вы и сейчас еще можете увидеть на домах слова «Мин нет». Видели?

— Конечно.

— Потом мы взяли с боя больницу, она была в десяти километрах от города. Но дело не в том, где она была. Там был тоже лагерь смерти. Немцы и туда возили людей на расстрел. Представляете — в больницу на расстрел?

17 октября бои шли уже в центре города. Мы были в трудном положении. Мы не имели права разрушать нашу столицу. Нас хорошо понимали жители Белграда. И нам и советским воинам они оказывали огромную помощь. Особенно бывшие студенты. Они все видели и все знали. Прятали раненых. Указывали огневые точки наших противников. Собирали на улицах оружие и приносили нам. За день до освобождения на самом высоком здании было поднято два флага — советский и югославский. Накал борьбы был потрясающий. Раненые покидали госпитали, бросались в бой и погибали... Вот так, дорогой друг,— вдруг неожиданно, словно страшно устав, сказал полковник и замолчал, глядя мне в глаза.

— Неужели все?

— Всего не рассказать... Одно могу сказать, что я был счастлив, что приобщился к битве за Белград, испытав какое-то особое чувство интернациональной дружбы.

— Вам как историку все теперь видится точно и безошибочно.

— О нет,— сказал Вуяшевич.— Совсем не так. Есть симпатии, которые нельзя забыть и преодолеть. Нынешние историки, не прошедшие этот путь, пишут историю точнее, по своим и вражеским документам... Что касается меня, то моя история в дневнике, который я вел всю войну.

— В эти дни в Белграде будет открыта мемориальная доска, на которой изложение событий будет не только на сербском, но и на немецком языке. Для того, чтобы дать возможность читать эти исторические слова не только славянам,— сказал Мирослав Бонич, председатель комиссии Союза борцов города Белграда по сохранению и развитию революционных традиций.— Белград дал много бойцов во многие сражавшиеся отряды Югославии. Надо сказать, что писатели Югославии Йован Попович, Чеда Миндерович и другие, еще до войны бывшие коммунистами, в своих книгах рассказывали о Советском Союзе. Они еще тогда думали не только о победе над фашизмом, но и о победе социализма. Зимой 41-го года к нам пришла первая радость — весть о разгроме немцев под Москвой... И потом были радостные сообщения с фронтов вашей Отечественной войны. Сталинград, Одесса, Киев... Но для нас, югославов, самой огромной радостью было сообщение о том, что в сентябре 44-го года маршал Тито договорился в Москве о совместных действиях с советскими войсками. Теперь мы знали, что из Румынии придет к нам на помощь Красная Армия и мы будем не одни. И мы действительно были не одни и потому победили... Мой друг Вуяшевич подробно рассказал вам о боях за Белград... Я хочу пропустить эти подробности. Я хочу рассказать, что было на другой день после победы. А было вот что... Белград весь украшен цветами. На балконы и окна вывешивались ковры. Девушки шили югославские и советские знамена. Гремела музыка... Песни. Жители звали в свои дома красноармейцев и партизан... Но у нас были еще и печальные обязанности. Мы должны были посетить дома наших друзей, которые погибли, и сказать семьям правду. Я пошел в дом своего друга электрика Бора Марковича. Он погиб, но жена его осталась живой. Она была еще в армии. В семье остались дети Луча и Нада, бабушка и дед. Они не знали, что мать жива, а отец погиб в бою под городом Душице... Мы должны были сказать и семье пулеметчика Миколы Ружецы, что он погиб. Надо было сказать о том, что за свободу нужно было умирать, но мы счастливы, что свобода пришла. Так мы ходили всю ночь и встречались с советскими и югославскими патрулями. В одном из подвалов мы обнаружили пять немцев. Что стоили они по сравнению с теми, которых мы встречали в Боснии, когда брали их в плен! Те говорили: «Я нацист и не хочу с вами разговаривать. Гитлер победит». А эти клялись, что они ненавидят Гитлера. Мой командир Йован Попович сказал мне однажды: «Веди ежедневно дневник». Я ответил ему тогда: «Я не имею опыта ведения дневника, но мои чувства говорят мне, что, когда я уже здесь в Белграде вместе с Красной Армией, я найду необходимые слова». И я находил эти слова. Находил и для тех трех книг, которые я выпустил после войны, и работаю сейчас над книгой «Образы революции»...

Как-то удивительно приподнято говорил Мирослав Бонич. Чувствовалось, что все шло от сердца и все глубоко продумано.

— Когда сейчас думаешь о войне,— продолжал он,— о тех, кто остался жив, невольно испытываешь счастье, что молодым есть у кого учиться и что молодые продолжат наше дело. Листая страницы истории, они будут вспоминать не только саму историю, но и то, что роднит советские и югославские народы. Ведь впервые в истории Белград, Югославия уже тридцать лет свободны и не знают войны. А до этого наша земля всегда была в пламени сражений. Изучая период войны, всегда удивляешься мужеству молодежи, которая шла в партизанские отряды и беззаветно сражалась с врагом. В памяти народной всегда будет жить и то, что наш народ потерял в этой войне более одного миллиона семисот тысяч, из каждых десяти человек один погиб во время войны. И даже это роднит наши народы. Тут огромная заслуга коммунистической партии, которая сумела сплотить разных людей и поставить их в один ряд борцов. Конечно, в этом процессе не обходилось и без предателей... У кого их не было? Но не успевали враги арестовывать одних патриотов, как на их места становились другие... Только из Белграда в партизанские отряды вступило более двадцати тысяч молодых людей.— Бонич вдруг поднялся, вышел из комнаты и тотчас же вернулся с бутылкой ракии и рюмками.

— И, пожалуйста, не отказывайтесь. За братство наших народов!— сказал он сердечно.

Прощались мы друг с другом уже на площади, на осеннем ветру, под ослепительным солнцем, среди шумного Белграда, города, который уже тридцать лет не знает пламени войны.

* * *

Наверно, на этом можно было бы и закончить эти записки о встречах и беседах с теми, кто с оружием в руках сражался за свободу своей родины, если бы еще не одна, на этот раз незапланированная поездка на праздник в Горни-Милановац. Еще в сентябре 41-го года партизаны изгнали из города оккупантов и полтора месяца, окруженные врагами, держали его в своих руках. Затем после того, как немецкая авиация разбомбила город, они оставили его и вернулись в октябре 1944 года, когда Красная Армия вышибла гитлеровцев из города.

В 1962 году почтить память погибших советских бойцов и югославских воинов приезжали Леонид Ильич Брежнев и Иосип Броз Тито. Это событие до сих пор тепло вспоминают жители Горни-Милановаца.

...В одном ряду стоят два высоких надгробия, на которых резцом высечены слова памяти и вечной славы героям советского и югославского народов.

Да, братья по оружию! Очень точно и выразительно сказаны эти слова еще многие годы назад. Но хочется несколько расширить эту глубоко волнующую формулу.

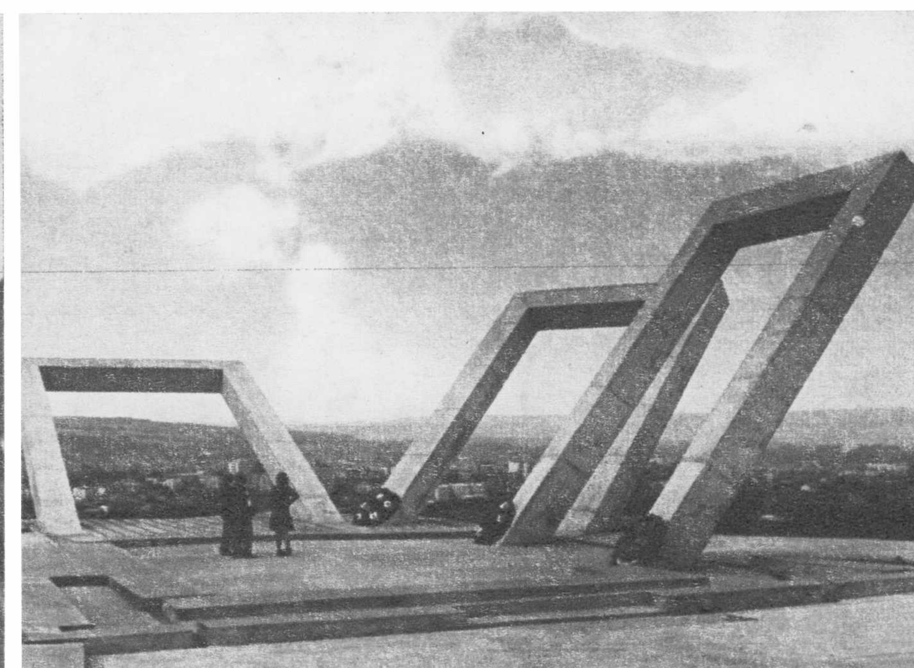
Больше, глубже дружба советских и югославских народов. Война закалила эту возникшую много раньше дружбу народов, которых роднит культура, социальная близость. А послевоенные годы, особенно последние, укрепляют это братство, делая его не только по оружию, что само по себе является великим, но и по путям мира и множества других прекрасных явлений, что сближает все больше наши народы. Но никогда не уйдут из сердца и памяти суровые годы и общая кровь, которая была пролита на мужественной и щедрой на дружбу земле Югославии!

Белград — Москва
Октябрь 1974 г.

Скорбь матерей Бисы Паунсвич и Мары Станкович, дочери которых героически погибли за свободу родины, не проходит с годами. Фото из архива города.

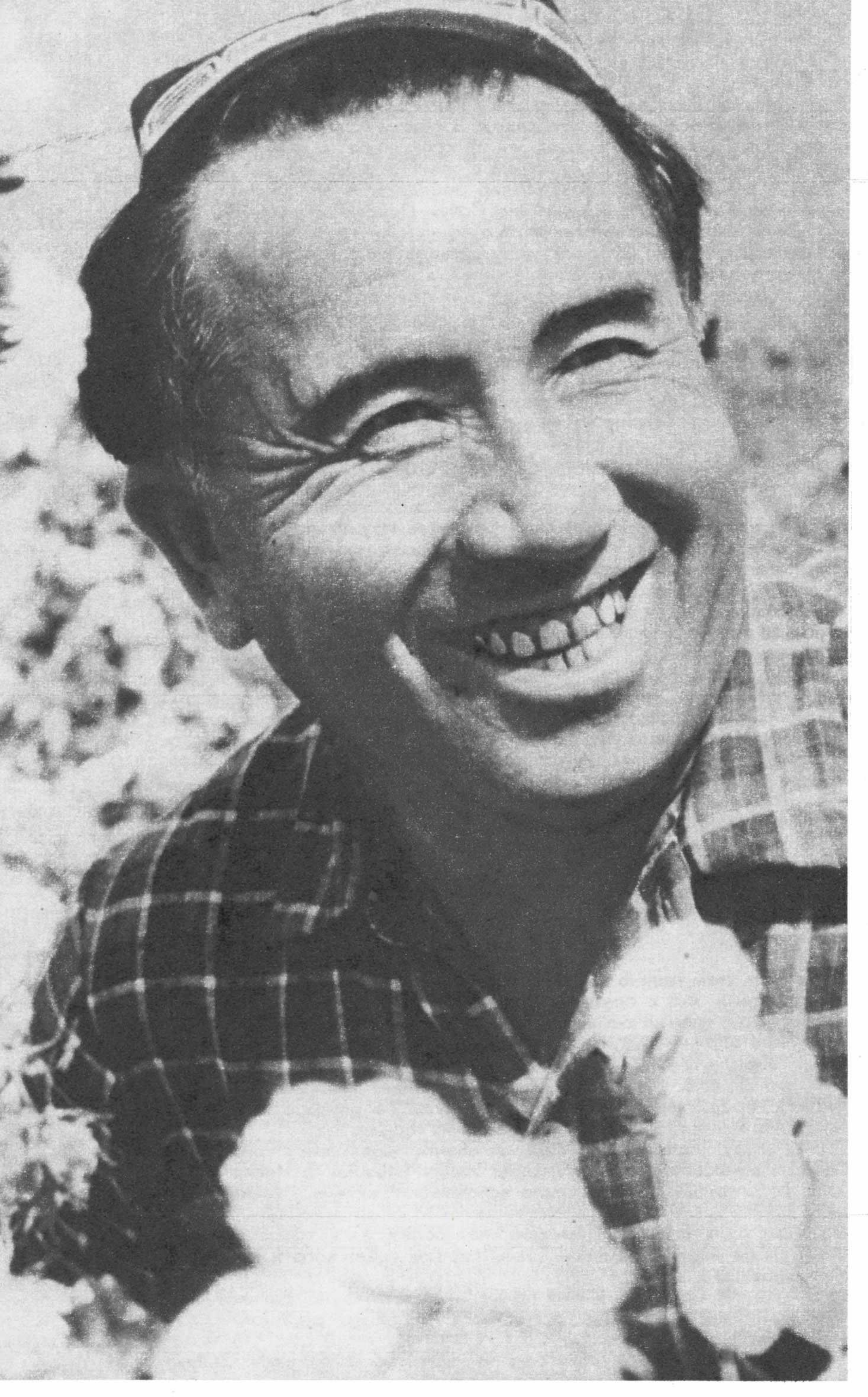

Монумент — три поверженных бетонных виселицы — высится там, где тридцать лет назад оборвалась жизнь патриотов из города Заечар.

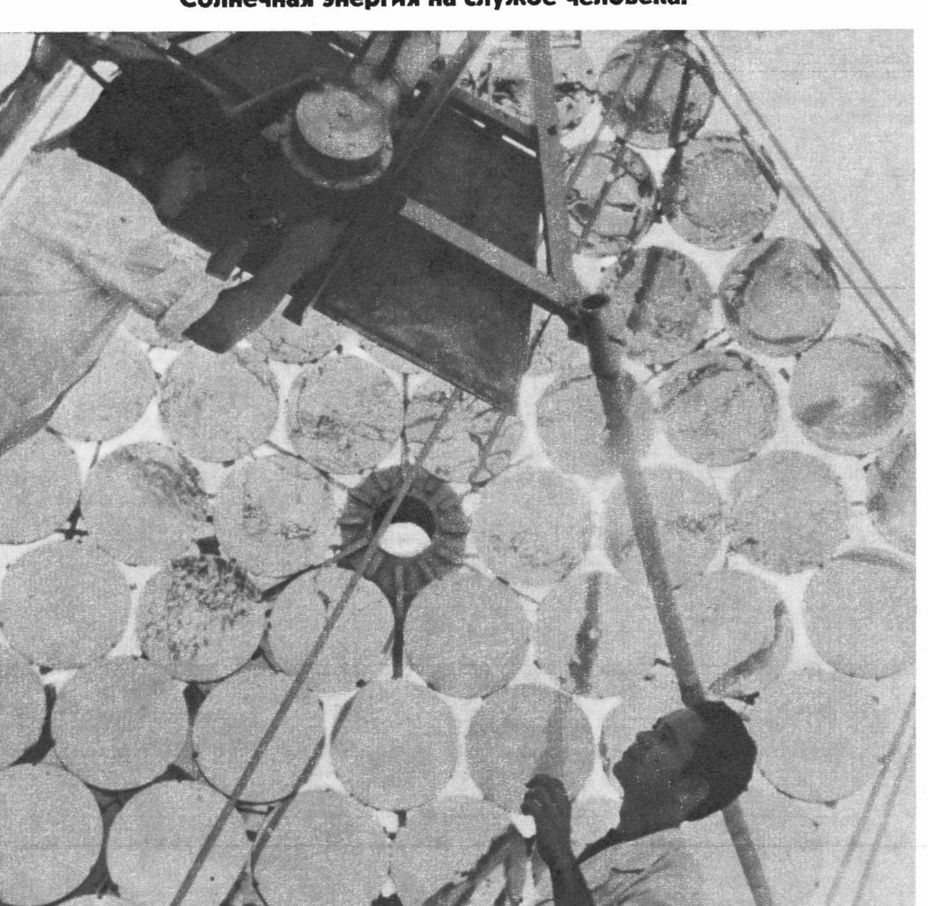

К 50-ЛЕТИЮ УЗБЕКСКОЙ ССР И КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото
Виктора СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Ахмаджан Валиев — механизатор совхоза Кечанова.

Солнечная энергия на службе человека.

БЕЗ ПЕСЧАНОЙ ОПРАВЫ

Словно отороченные голубой каймой, издавна среди песков и гор, от Арала до Тянь-Шаня, зеленели в междуречье Сырдарьи и Амударьи — на землях древнего Мавераннахра — узбекские оазисы. Народные певцы из столетия в столетие называли их «изумрудами в песчаной оправе».

За полвека существования Узбекской Советской Социалистической Республики зелень полей и садов, голубизна оросительных каналов и водохранилищ, многоцветье городов, поселков, кишлаков, тесня пески, истончили бледно-желтую, безжизненную оправу, а во многих местах ветви оазисов соединились.

То, что ныне стало явью, долгие века было мечтой народной. Она жила в легендах и притчах, в бессмертных поэмах основоположника узбекской классической литературы Алишера Навои, в открытиях великих математиков, медиков, астрономов, философов...

Узбекистан, как и вся Средняя Азия, успешно двинулся по пути прогресса с присоединением к России. Но настоящий его расцвет начался в 1917 году, после победы Великого Октября.

27 октября 1924 года была образована Узбекская Советская Социалистическая Республика, а в феврале 1925 года I съезд коммунистов республики объявил о создании Коммунистической партии Узбекистана.

Узбекская ССР была принята в СССР III съездом Советов СССР

Медь Алмалыка.

Навоинский химкомбинат.

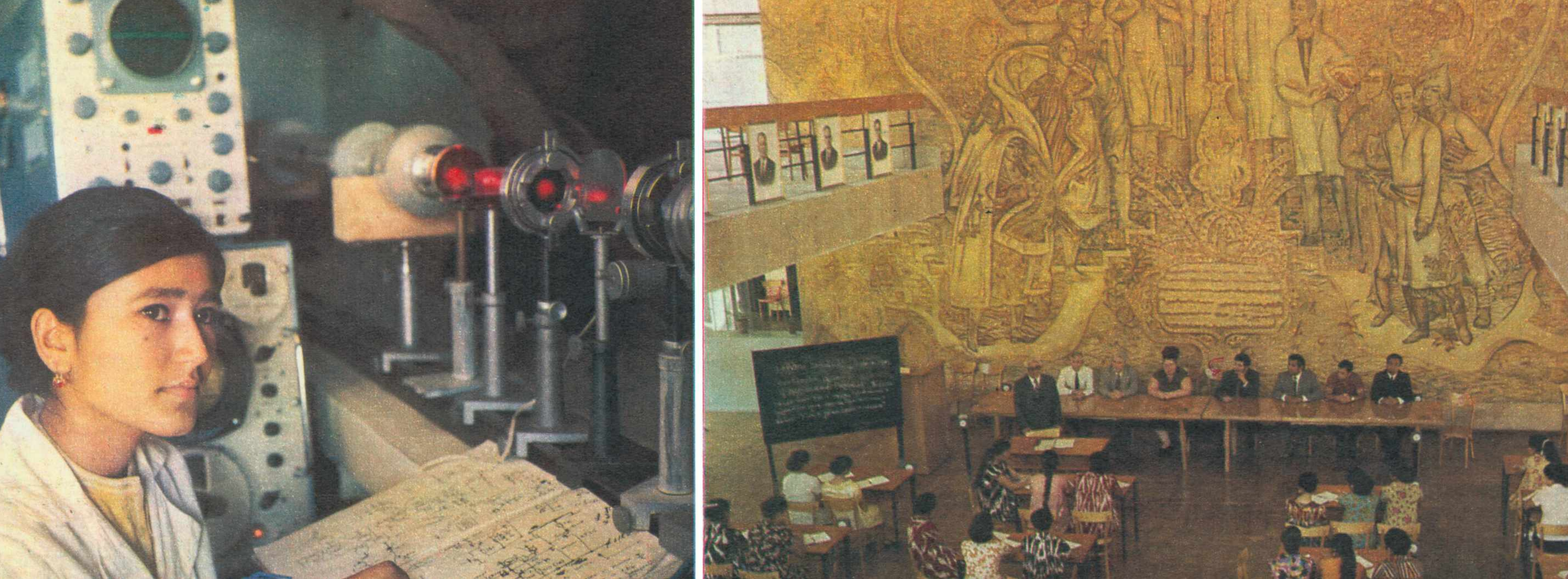
В лаборатории лазерной техники. Студентка Ташкентского университета Мактуба Салимходжаева.

Академик Герой Социалистического Труда Сабир Юнусович Юнусов.

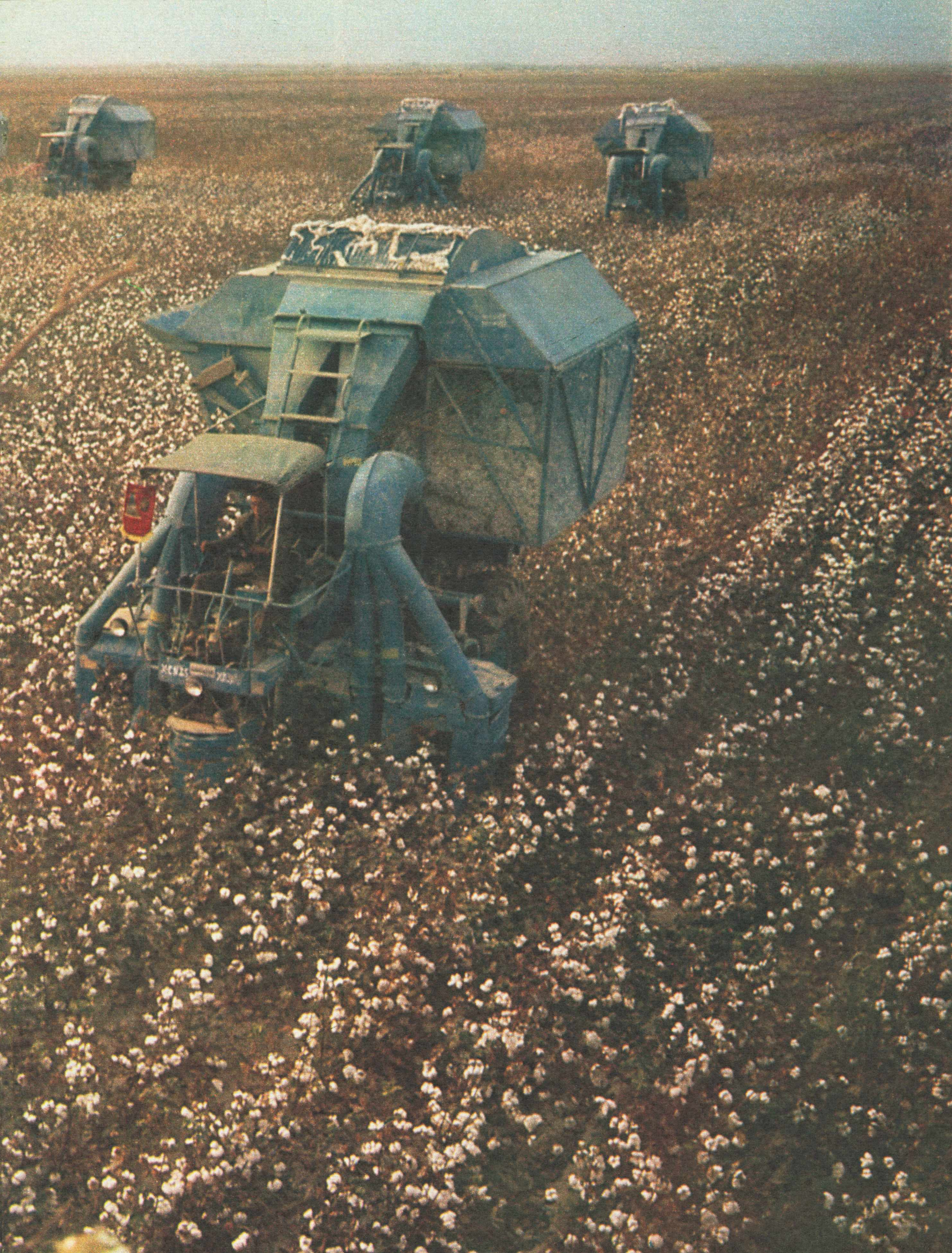
В Ташкентском государственном университете имени В. И. Ленина.

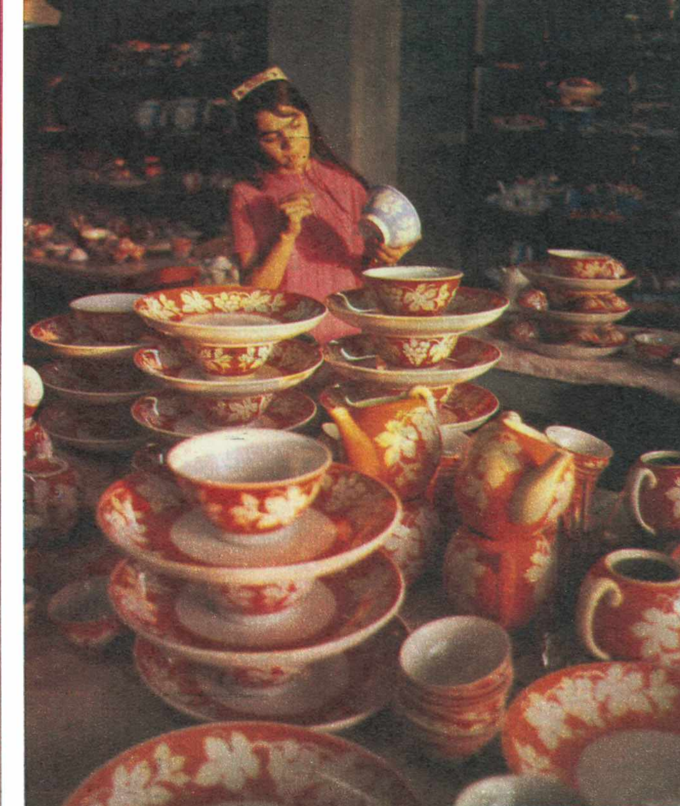
На развороте вкладки:

Страда.

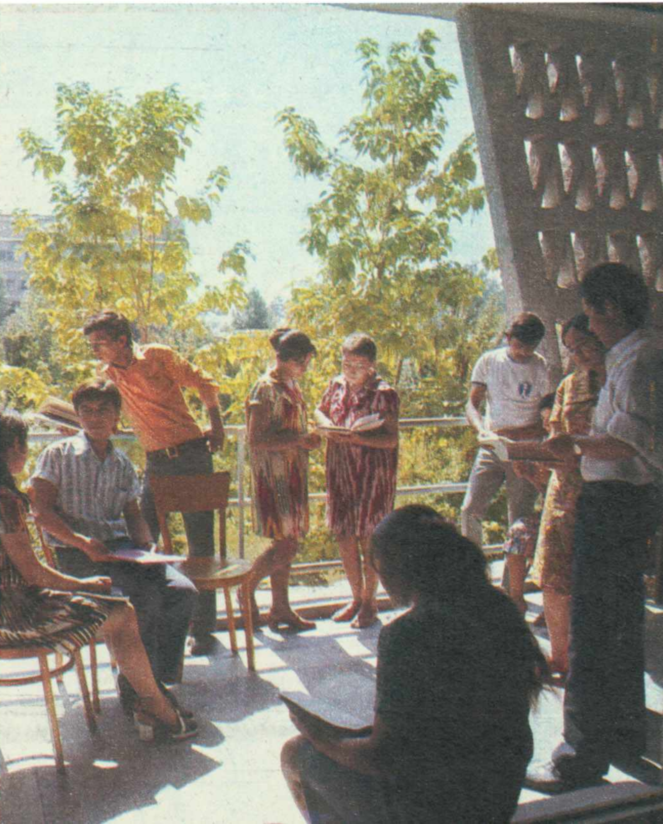

13 мая 1925 года. Декларацию о добровольном вхождении Узбекской ССР в Советский Союз передала в президиум съезда делегация республики во главе с первым председателем ее ЦИКа Юлдашем Ахунбабаевым.

Оценивая великую роль многонационального Советского государства в осуществлении планов коммунистического строительства, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь Центрального Комитета Компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов пишет в книге «Знамя дружбы»:

«Если создание буржуазных многонациональных империй означало ликвидацию национальной самостоятельности угнетенных народов, то Советский Союз стал примером создания национальной государственности всех народов в системе единого социалистического многонационального государства. Поэтому Страна Советов выдержала все испытания и представляет собой образец прочного добровольного союза и братского содружества равноправных народов».

Неслыханны темпы роста индустриального потенциала республики. В первую пятилетку здесь было построено 192 промышленных предприятия, во вторую — около 200, в том числе «Ташсельмаш», Ташкентский текстильный комбинат, Кокандский завод минеральных удобрений. В предвоенные годы вступили в строй 134 новых предприятия, и среди них такие гиганты, как Чирчикская электростанция, Ферганский и Маргиланский шелкопрядильные комбинаты, хлопкоочистительные и машиностроительные заводы...

Ныне в Узбекистане 1 300 крупных предприятий, свыше 100 отраслей промышленности, и ведущее место среди них занимают энергетика, машиностроение, цветная металлургия, химия, нефтехимия, производство строительных материалов. Возникли новые важные отрасли — золотодобывающая, тракторостроение. Пущено на поток производство химических волокон и продуктов органического синтеза. Республика занимает первое место в стране по производству машин для хлопководства и хлопкоочистительной промышленности, третье — по производству шелковых тканей, четвертое — по выработке хлопчатобумажных тканей, минеральных удобрений, электроэнергии, цемента.

Директивы XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану воплотились в новые промышленные корпуса, энергетические узлы, в жилые кварталы и культурные учреждения.

Советский Узбекистан — край сплошной грамотности. А ведь всего полвека назад здесь было грамотных не более двух процентов! Ученые республики достигли крупных успехов во многих областях фундаментальных наук — математики, физики, химии, биологии. Расцвели, стали значительно богаче по содержанию, формам и жанрам узбекские литература и искусство.

Развитие буквально каждой отрасли народного хозяйства и культуры — это яркая глава из книги под заглавием «Дружба народов». А сколько золотых строк, целых страниц в каждой такой главе! Достаточно назвать эпопею возрождения столицы республики — Ташкента после землетрясения 1966 года, когда беспримерная сплоченность советских народов проявилась во всем своем величии. Выступая в Ташкенте на республиканском собрании партийного актива в сентябре 1970 года, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал:

«Когда смотришь на эти величественные сооружения, то видишь, какой огромный труд вложили партийные организации Ташкента и всей республики, а также все народы Советского Союза в восстановление города. И только в результате этого можно было получить такое впечатляющее зрелище, которое представляет сейчас город Ташкент. Я думаю, город, когда по нему ходишь, ездишь, призывает всех нас не забывать, что такое дружба народов. Вместе с тем весь облик этого города как бы говорит нам о том, какую громадную работу проделала наша партия, которая воспитала у советского народа такое высокое качество, как интернационализм, выковала дружбу народов».

У республики давние и крепкие связи с машиностроителями Москвы и Ленинграда, шахтерами и химиками Донбасса, энергетиками Волги и Кавказа, ирригаторами, селекционерами и геологами среднеазиатских республик. Строители, монтажники, изыскатели Узбекистана испытывают чувство братской благодарности к автомобилистам Белоруссии, лесорубам Сибири, радиотехникам Прибалтики.

Стала действительностью народная мечта, выраженная в узбекской пословице: «Если сорок родов породнятся — им врагов не бояться».

БЕЛЫЙ ЦВЕТОК СЧАСТЬЯ

Характерный осенний пейзаж Узбекистана: зеленые, с белопенными гребнями волны хлопкового моря плещутся у самых стен новенького, что называется, с иголочки, сельского поселка.

В первые же годы Советской власти начала осуществляться самая заветная мечта дехкан — о большой воде. Только братскому содружеству советских народов оказалось под силу привести ее на эту сказочно плодородную землю.

В труднейшем для юного социалистического государства 1918 году Владимир Ильич Ленин подписал знаменитый декрет об ассигновании 50 миллионов рублей для организации оросительных работ в Голодной степи, на Дальверзинских просторах и Учкурганских пустошах Ферганы, в засушливых долинах возле рек Зеравшан и Чу. Песней звучали для дехканских сердец окрыляющие ленинские слова: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

И вот результат полувековой ирригационной работы на землях Узбекистана: если до революции здесь производили в год около 500 тысяч тонн хлопка, то ныне столько же дает стране одна целинная область — Сырдарьинская!

Более двух тысяч лет судьба узбекского дехканина связана с хлопком, но никогда еще хлопок не приносил ему столько радости, достатка, уважения, счастья, как сейчас. Пять миллионов тонн в год — таков рубеж, достигнутый хлопкоробами Узбекистана.

— Все здесь растет из хлопка,— сказал председатель колхоза «Ленинизм», Ташкентской области, Юсуп Талипов.— Но чтобы вырастить сам хлопок, да еще такой большой, как в нынешнем, юбилейном году, а затем быстро и без потерь убрать его... О!..

В 1927 году здесь было всего тридцать десятин поливной пашни, а ныне — 1 689 гектаров, из них 1 288 — под хлопчатником. На остальных — люцерна, кукуруза, кенаф, овощи, бахчевые. А какие виноградники и фруктовые сады!

Это если смотреть, так сказать, вширь. А если заглянуть вглубь? Гектар-то стал куда вместительней: не восемь — десять белых центнеров дает, а в три-четыре раза больше.

— Дает...— усмехается Юсуп-ака.— Вернее сказать, отдает... Отдает со щедрой прибавкой то, что мы из года в год неустанно в него вкладываем... Общий годовой доход колхоза «Ленинизм» составил в прошлом году три миллиона двести тысяч рублей. Из них двадцать процентов расходуем на благоустройство, культуру. Радостное, но, не стану скрывать, хлопотное дело... Не тот теперь дехканин! Его мысли хорошо выразил мой учитель, бывший председатель нашего колхоза Герой Социалистического Труда Абдулла Артыков: «Работать и жить на селе так же удобно, как в городе!» Что ж, мы близки к цели. Новые трех-четырех-пятикомнатные дома в два этажа для одной семьи вступают в строй. В них — электричество, водопровод, газ, канализация. К дому примыкает огородный участок, в конце его хозяйственные постройки. Каждый колхозник в среднем получает в год только деньгами тысячу шестьсот рублей. В семье же, как правило, несколько работников. Вот и надо, кроме чисто сельскохозяйственных дел, вплотную заниматься фондами, поставками мебели, ковров и других дефицитных товаров в колхозную торговую сеть. Да разве только у меня теперь такие заботы! Мы одна тысячная доля в республиканском хлопковом хозяйстве...

— Что вы имеете в виду?

— Ну, считайте сами... В пять миллионов тонн юбилейного «белого золота» Узбекистана наш вклад — пять тысяч сто тонн... Рабочих рук много требуется, а хлопок привередлив до чрезвычайности, приходящей няньки не потерпит. Но и сама нянька-то теперь с повышенными требованиями! Поэтому полевой стан — а это второй дом хлопкороба, должен быть настоящим домом, с удобствами. Не удивительно, что в горячую пору хлопкоуборочной кампании мы встретились с председателем Ташкентского облсовпрофа Анатолием Васильевичем Браиловым в одной из бригад колхоза «Ленинизм».

— Полевой стан сегодня — это, как видите, столовая, комната отдыха, лекционный зал с газетами, журналами, книгами, медпункт,— сказал он.— А ведь еще недавно обходились камышовым навесом да кумганом с чаем...

...Многолюдно и весело в обеденный перерыв на полевом стане. Из детсада приходит машина с малышами порадовать пап и мам. Местный радиоузел передал сводку о ходе уборки, назвал фамилии отличившихся, и начался концерт «Ашуля ва ракс» — «Песни и танца».

Как ни оживленно и шумно было за обеденным столом, но все обратили внимание на девочку с множеством тонких косичек, в длинном красном платьице. Ростом вровень с хлопковым кустом, она зашла в ближнее междурядье, прильнула лицом к беловолокнистой коробочке и, по-взрослому искусно прищелкивая пальцами, увлеченно выводила какую-то свою песенку. Выключив радио, все слушали ее. Лишь когда раздались аплодисменты, девочка смутилась и, подбежав к матери, уткнулась ей в колени.

— О чем она пела?— спросили мы председателя.

— Конечно же о хлопке!

— А слова какие? Переведите...

— Каждый поет эту песню по-своему, но главные слова в ней: «Белый цветок счастья»...

КОГДА РЯДОМ ДРУГ

В 1922 году газета «Туркестанская правда» писала о факте, который лучше иных цифр говорит об уровне тогдашнего промышленного развития Узбекистана. «Из Главтекстиля пришло сообщение,— информировала газета,— что в Стокгольме заказаны кетмени для узбекского дехканства»... Даже гвозди были привозными!

Тогда Фазылу, сыну дехканина Салиходжи, шел одиннадцатый год. Он днями вертелся возле кишлачной кузни, где фазаном на токовище сиял горн, задорно отплясывали свой колдовской танец молотки, по-человечьи вздыхали мехи, а у двери стояли твердые — тверже камня! — готовые серпы-ураки. Железо. По тарифу мальчишеских сделок обыкновенный гвоздь стоил десятка ашичек (бараньих косточек), которые не так-то просто выиграть у сверстников.

Не удивительно, что, прослышав о строительстве завода, где будут делать железные (!) плуги, семнадцатилетний Фазыл Салиходжаев, сельский комсомолец, поехал в город. Он забивал первые колышки на стройплощадке первенца республиканской индустрии—Ташкентского завода сельскохозяйственного машиностроения.

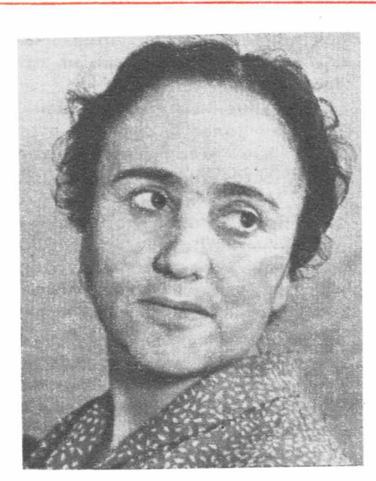
Хорошо помнит Фазыл-ака ро-

Народная артистка СССР Бернара Кариева.

Юбилейные изделия Самаркандского фарфорового завода.

Возрожденный Ташкент.

Питомцы столичного университета.

ЗУЛЬФИЯ

ДОРОГИЕ ЧУВСТВА

РОДИНЕ

Учила ты: в слезах нет прока,
Строга, как с дочерью, со мной,
Но не слыхала я попрека,
Как и от матери родной.

В беде и счастье я с тобою,
И песнь моя — тебе родня.
Воспламенюсь — зальешь водою,
Угасну — вновь зажжешь меня.

Дивилась всякому я чуду —
Листве берез, реке чужой,
Но отовсюду, отовсюду
К тебе стремилась всей душой.

О Родина, я, как заклятье,
Твержу один и тот же стих:
Не отвергай моих объятий
И не лишай меня своих!

Без родины нет на земле
Ни солнца, ни звезды во мгле.

ВЕСНА

Где снег? Бесследно звездочки его
Исчезли, как мгновения былого...
Младенческого света торжество
Душа весною излучает снова.

Бегут, как дети, в небе облака.
Ну, а земля чарующе нарядна,
Душе подростка, сердцу старика,
Поверьте, одинаково отрадна.

Разбиты зеркала — ни льдинки нет.
И возраст человека в день весенний
Определяется не мерой лет,
А мерою счастливых потрясений.

Чарует нас и розовый миндаль,
И птаха неказистая, и даже
Вплотную приближается к нам даль,
Опережая ожиданья наши.

Весна! И каждый хлопковый росток,
Мне кажется, взойдет не только в поле,
Но и в моей груди, на грядках строк,
Исполненных и нежности и воли.

Весна у нас в глазах отражена,
Ее волна втекает в наши вены,
Когда бы в мире не цвела весна,
Весну мы сотворили б непременно!

ВНУК

Черноглазый внук влетел, точно вихрь, ко мне,
Вырвал лист из-под пера, змея смастерил,—
И уже бумажный змей реет в вышине,
Тянет в небо малыша изо всех он сил.

Но не выпускает внук летуна из рук,
Хоть бечевку на себя дергает с трудом,
Оторвавшись от стихов, я гляжу, как внук
Твердо на земле стоит в дворике родном.

Он точь-в-точь как дед его, боек и смышлен,
И черны до синевы и вихор и бровь,
Вечным, кажется, огнем переполнен он,
Точно в жилах у него солнце, а не кровь.

Оставаясь на земле, рвется в небо змей,—
Словно мысль моя, малыш, о твоей судьбе:
Что за дерзкая мечта есть в душе твоей?
Что ты будущему дашь, что оно — тебе?

Если б не было у нас дорогих внучат,
Мы не знали бы, как жизнь и любовь звучат.

ТРУД

Временами и спится мне худо,
И волнуюсь из-за пустяка,
В голове возникает запруда,—
Загрязняется мысли река.

Я в обиду вхожу, словно в тину,
Захлебнусь, но припомню опять
Над железом отцовскую спину
И всегда терпеливую мать.

Точно так, как отец мой когда-то
Отливал наконечник сохи,
Вновь тружусь от зари до заката,
И слагаются в строфы стихи.

Что ни слово — то пласт мой целинный,
Что ни строчка — то снежный обвал.
Но уже молодой, соловьиный
Сад взращенный восторжествовал!

Труд — дитя нашей мысли и страсти,
Без него мы не ведали б счастья.

ПЛАКУЧАЯ ИВА

Среди голых деревьев — плакучая ива,
Как поэта мечта, и ярка и вольна,
И кудрями Меджнуна она справедливо
Названа,— так любви одержимо верна.

Здесь какой-то старик, красотой упоенный,
Отдыхает от тягот зимы и утрат:
На плечах — то ли дождик прозрачно-зеленый,
То ль весны изумрудно-прозрачный халат!

Это нежная ива в нижайшем поклоне
Тянет губы и руки к земле дорогой,
Чтоб губами прильнуть к ее щедрой ладони,
Чтоб погладить кормилицу влажной рукой.

Жизнь дарует земля и деревьям и людям.
Разве землю свою покидает народ?
И в раздумьях о мире, о боли и чуде,
Верность почве храня, эта ива живет.

Разве верность нуждается в чьем-то участье?
Если б не было верности — не было б счастья.

бость своих первых шагов в качестве рабочего, безошибочно узнает ее во взгляде пареньков, впервые переступающих теперь порог цеха. Конечно, им-то легче: у каждого за плечами десятилетка или профтехучилище.

Что он умел тогда? Рыть — все тем же кетменем!— котлован под фундамент, катать на тачке кирпичи... Но разве поначалу главное — умение работать? Главное — почувствовать почву под ногами. А это не всегда зависит от себя самого...

Однажды подошел к нему бригадир слесарей Иванов, Николайака, и, как бы советуясь, сказал:

— Стройка стройкой, а пахать, сам понимаешь, надо вовремя... Запарились мы на ремонте плугов. Не подсобишь, Фазыл?

— Я же не слесарь, Николайака...

— Выходи завтра на работу в нашу мастерскую. В отделе кадров все улажено.

Так определилась судьба Фазыла Салиходжаева, ныне мастера цеха, слесаря-инструментальщика седьмого разряда — кадрового рабочего-узбека, который в эти юбилейные дни благодарным словом вспоминает Николая Иванова, преподавателя курсов повышения квалификации, мастера Поскрова, москвича Сергея Якубова с Люберецкого завода сельскохозяйственных машин, где Салиходжаев стажировался.

Настоящей кузницей национальных кадров текстильщиков стала знаменитая московская «Трехгорка». Принцип один, советский: рядом с юнцом — бескорыстный друг, рядом с молодой республикой — все братские республики. И если полвека тому назад в Узбекистане было всего 17 тысяч рабочих, то теперь рабочий класс насчитывает более полутора миллионов человек, причем больше половины этой армии — национальные кадры.

Чего только не производится теперь в Узбекистане! Самолеты, тракторы, бульдозеры, компрессоры, подъемные краны, лифты, холодильники, силовые трансформаторы, электрокабель, сложное технологическое оборудование для текстильной, хлопкоочистительной и химической промышленности. В 90 стран мира экспортируются изделия с маркой заводов и фабрик Узбекской ССР.

На «Ташсельмаше» делаются лучшие в мире хлопкоуборочные машины. Каждая заменяет на полях сотню-другую сборщиков! К золотому юбилею республики здесь изготовлена машина завтрашнего дня — шестирядная, с бункером почти в два раза большим, чем у серийной четырехрядной.

— У нас прямая связь с Ташкентским политехническим институтом,—сообщила заведующая заводским отделом технического

САДЫ

Сады моей родины в дружном цветенье:
У каждого дерева — повесть своя,
Свой опыт и нрав. Но любое растенье
Живет, от другого забот не тая.

У веточки каждой свой путь непреложный,
У каждого цветика свой аромат,
Но служат друг другу опорой надежной
Деревья, как брату любимому брат.

В садах моей родины дружные весны —
Не знаю, какой мне милей уголок!—
Здесь каждая пядь, как сосуд кровеносный,
Питающий каждого сердца цветок.

Тревожится брат — и не спится другому,
Без хлеба один,— не поест и другой.
Свет этому саду! Мир этому дому,
Где нет ни души без опоры благой!

Все судьбы — единого целого части,
Я знаю: без дружбы немыслимо счастье.

МЕЧТЫ

Мне кажется порой: мои мечты
Никак не могут воплотиться в дело,—
Так мало времени, так много суеты,
И так я недостаточно успела!

Я выпила, взболтав, словно кумыс,
Земного счастья и несчастья море,
Но не насытилась,— моя витает мысль,
Словно корабль, в космическом просторе.

То на Чарвакской ГЭС звенит мой стих,
То сею хлопок я в Талимарджане,
И хлопок вырастет белей белков глазных,—
Не это ль исполнение желаний?

Но никакой мечте предела нет,
Она всегда, как горизонт, в дороге,
И равен вечности желаний наших свет,
И нет конца живительной тревоге!

Когда бы не было взыскующей мечты,
Не достигало б счастье высоты.

Перевела с узбекского
И. ЛИСНЯНСКАЯ

ЛОДКА ЖИЗНИ

Лодка жизни моей все плывет, все плывет.
Если даже я весла брошу,—
За вершиной — вершина, за годом — год
Позади остаются все же.

Что узнала, что видела — все дела —
Захлестнуло время волною.
Нет, недаром в весну мою осень вошла,
Проступила в лице желтизною!

И, однако же, кровь, как была горяча,
И челнок мой несется ходко.
Нынче чья-то радость — кто знает чья! —
Точно кормчий, ведет мою лодку.

Судьбы многих людей, моей силою став,
По волнам несут белогривым...
Тот, кто счастлив, тот сам и силен и прав,
Но расстаться ли с несчастливым?!

— Горе сбрось,— говорю,— если с горем пришел!
Все на плечи взвалю, одолею!
Кормчий! Видишь, груз теперь не тяжел:
Двое нас! Полный ход!.. Смелее!

ДОСТАНЬ МНЕ СОЛНЦЕ!

— Кусочек солнца я тебе достану,
Как сердца часть дарю тебе сейчас.
Кусочек солнца я тебе достану,
Чтоб знала ты: твой пламень не погас!

Кусочек солнца я тебе достану,
Чтоб взбушевал огонь в твоей крови,
Чтоб ясный взгляд искрился неустанно
И щеки розами цвели твои!

Кусочек солнца я тебе достану.
Да будет ярок твой жемчужный смех!
Ты вспомни путь свой по Узбекистану:
Как сладостно ты окрыляла всех!

Кусочек солнца я тебе достану
(Возможны ль бейты об одной строке?!),
Чтоб сердцу разъяриться, как вулкану,
Дарить огонь и в счастье и в тоске.

Кусочек солнца я тебе достану!
Пусть над тобой струит он теплый свет!
Храни его, подобно талисману,
С частицей сердца моего...
— Нет! Нет!

Не слишком ли мелки твои расчеты?!
Что делать мне с частицею, с куском?!..
Уж если велики твои щедроты,
Так подавай все солнце целиком!

Все, все отдай!.. Слей пламя воедино!
Огонь и страсть не делят пополам!
Однажды приняла я половину,
И в сердце навсегда остался шрам.

Мне мощь нужна для крыльев, для полета,—
Ведь встречных ветров на земле не счесть!..
Уж если ты способен на щедроты,
Так подавай мне солнце все как есть!

Достань мне с неба жаркое светило!
Пусть излучает радость каждый стих!..
И да наполнит солнечная сила
Друзей моих, читателей моих!

НАПРАСНО ПРОЖИТЫЕ МГНОВЕНЬЯ ДАВЯТ...

На небесах, на суше, в океане —
Повсюду жизнь... Шумит ее родник.
И, совершая нужное деянье,
Мы сами украшаем каждый миг.

А день, который бесполезно прожит,
В ночной тиши нас тяготит и гложет.

Ну что ж, пусть гложет!.. Выдержим и это!
Без недовольства ведь и жизни нет.
Не будет мрака — не оценим света,
Не обойтись без горестей и бед...

Лишь пустота смертельна для поэта!

В ОБЪЯТЬЯХ БУРИ

Однажды я была в объятьях бури
И опьянела, будто от вина,
Одним крылом плескалась там, в лазури,
Другим купалась в дикой, гневной хмури,
Душою смятена, восхищена.

То, словно лодочка, ища приюта,
Дрожала у высоких берегов,
То бурю я приветствовала, будто
Всю суть мою взбурлил мятежный зов.

О ветры, поднимите, оторвите,
Прочь от земли, несите ввысь, во тьму!
С землею связанная сотней нитей,
Я молнию по-братски обниму!

И, песню пламенем ее наполня,
Тебя восславлю, бури красота!
Пусть ветви острые деревьев-молний
Покроют ранами земли уста!

О, грохочи!.. Пылай все неизбывней!
Греми по телу огненной арбой!
Стегай кнутами бешеными ливней,
О буря, ставшая моей судьбой!

Рви, раздирай от головы до пяток,
И я пойму — велик он или мал —
Цветущей юности моей остаток,
Что к небесам когда-то поднимал.

Могу ль еще сравняться в первородстве
С тобою, буря?.. Чтоб глаза в глаза!..
Я чую: под моей рукою гнется
Все грозы перенесшая лоза...

Когда б не буря, я не знала б света!
Как молния — священный дар стиха.
Когда б не буря, не удел поэта,
Была бы жизнь моя пуста, глуха.

Перевела Ю. НЕЙМАН.

обучения Любовь Андреевна Скворцова.—Появилось желание— поступай на вечернее отделение, увлечешься — переходи на дневное. Студенты ТашПИ не гости на заводе, здесь они проходят практику, работают на сборке машин, учатся водить их.

— Совместно с заводчанами,— говорит завкафедрой сельхозмашин, доцент ТашПИ Аслам Хамидов,— мы в юбилейном году подготовили из числа старшекурсников пятьдесят механиков—водителей хлопкоуборочных машин для голодностепских совхозов. Будущим инженерам с такой практикой нет цены. Школа жизни! Общение с Фазылом Салиходжаевым, Героями Социалистического Труда Мустакимом Юсуповым, Борисом Владимировичем Ефремовым тоже многого стоит... А пример фрезеровщицы, депутата Верховного Совета Узбекской ССР Малахат Хамидовой! Приехала Малахат из глубинки Бухарского оазиса. Окончила десятилетку. К 1960 году сдала экзамены за четвертый курс пединститута. Однако работать пошла не в школу... Побывала как-то на «Ташсельмаше», постояла рядом с опытной подругой-фрезеровщицей у станка, и все решилось. Сейчас у Малахат Хамидовой десятки учеников: пригодился пединститут!.. Трудовые биографии этих ветеранов — сама история индустриального роста республики.

...Хорошее настроение у Фазыл-ака, праздничное. Мы в шутку спросили:

— Фазыл-ака, смогли бы теперь серп-урак сделать?

— Давайте синьку-чертеж!— улыбнулся он, сдвинув на лоб очки.— Мы работаем с допуском не более пяти микронов.

— А по памяти?..

— По памяти многое можно смастерить... Не только серп или однолемешный плуг, но и, не к празднику будь сказано, мину... А забывать нельзя!— посуровел мастер.— В годы войны работали мы бок о бок с ростовчанами, на станках, эвакуированных к нам с «Ростсельмаша», «Красного Аксая»... На моих штампах «вырубки по контуру», как сейчас помню, в сутки по восемьдесят тысяч крылышек для мин выпускали... Мы знали: чем их больше, тем крепче становятся крылья нашей победы... Серп-урак давно в музее, а хлопкоуборочные машины с маркой «Узбекистан» можно видеть не только на полях всех братских хлопкосеющих республик, но и далеко за рубежом — в Египте, Афганистане, Сирии, Иране...— Фазыл-ака снова обрел веселое расположение духа и вдруг сказал:— Как жаль, что шведы не выращивают хлопок. Мы бы охотно приняли заказ Стокгольма на хлопкоуборочные машины: он нам поставлял когда-то кетмени...

Римма КОВАЛЕНКО

РАССКАЗ

ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Ты дома всего полчаса, а у меня такое ощущение, что ты пять лет без передышки тянешь из меня жилы.

Он отвык от ее голоса, от ее манеры больно ранить словами, сидел обиженный, с ощущением пустоты в груди. Было непонятно, каким образом эта пустота мешала дышать, причиняла физическую боль. Были бы слезы, он бы расплакался, громко, навзрыд, как в детстве. Было бы куда, хлопнул бы дверью и убежал.

— Я мечтал об этом дне,— сказал он глухим голосом, чувствуя, что от слов колет в горле и еще тяжелей дышать,— я так мечтал, а ты все растоптала. Я забыл, что ты такая, я думал, что ты изменилась. Я думал, что разлука хоть чуть-чуть изменила тебя...

— Перестань пороть чепуху. Это я думала, что в армии ты поумнеешь.

Так они встретились. Он все-таки не выдержал и заплакал. Она придвинула к тахте, на которой он сидел, стул, села и тоже заплакала.

— Ну, почему ты такой дурак?— плакала она.— Почему ты не прислал телеграмму?

— Потому что я хотел, чтоб неожиданно,— плакал он.— Я мечтал, чтоб без телеграммы, неожиданно.

— А ты не мечтал о том, что приедешь утром и мне надо будет бежать на работу? Не мечтал, что в холодильнике будет позавчерашний пакет молока и полбанки томатной пасты?

— Какое это имеет значение?— Он вытер слезы серым, застиранным платком и стал снимать сапоги.— Ты мать и должна была обрадоваться, а ты не обрадовалась. Ты отвыкла от меня. Если это кому-нибудь рассказать, никто не поверит.

— Господи, так не рассказывай. Ты бы только послушал себя: я, я, я. А я разве не мечтала? Я разве так мечтала тебя встретить? Почему ты не прислал телеграмму?

— У нас многие не послали, чтоб как снег на голову.

— Я думала, что ты стал взрослым. Видно, этого никогда не будет.

Она пересела на диван, обняла родную, пахнущую чем-то чужим голову сына и ощутила, как пробивается через это чужое забытый запах его младенчества.

— Люблю тебя,— сказала она,— ты самое драгоценное, что есть у меня в жизни. И никогда не прощу, что не прислал телеграмму. Никому, никогда, кроме самых родных людей, не в силах мы причинить самой больной боли. И никто, никогда, кроме самых родных, не прощает другу эту боль так светло, без остатка.

— Сколько у тебя денег?

— Тридцать рублей.

— Не транжирь. Я отпрошусь с работы. В виде исключения, прибери в квартире. Возможно, я приду не одна.

— Я полы вымою,— крикнул он,— ты даже представить себе не можешь, что я тут сотворю!

Он был рад. Это был его дом, не похожий ни на чей другой. Это была его мать. Она всю жизнь учила его чему-то, но он так до сих пор не понял, чего она от него хотела.

Помкомвзвода Леша Чистяков в конце первого года службы проводил беседу. Целый час говорил, какие матери были у великих людей. Никто сначала не понимал, к чему он вел.

— Первый человек, которого вы увидели на свете, была мать. Первое слово, которое вы сказали, было «мама». Мать самый родной и дорогой человек на свете,— говорил он, заглядывая в конспект.— Относиться к ней с любовью — не только ваш сыновний, но и гражданский долг...

Он спросил у Феди Мамонтова:

— Вот как ты, Мамонтов, относишься к своей матери?

— Хорошо,— поднялся рослый, нескладный Федя и задвигал круглыми лопатками, будто разглаживал на спине гимнастерку.

— Подробней.

Федя беспомощно зыркнул по сторонам, увидел улыбки и стушевался.

— Чего подробней... Как положено, так и отношусь, не обижал никогда.

— А ты, Яковлев, что скажешь?

Он поднялся и тоже, как Мамонтов, оглянулся на товарищей. Они уже не улыбались. Лица были озадачены.

— Я не понимаю вопроса,— сказал он,— это неестественный вопрос. Каждый человек относится к матери свято. А подробней про эти чувства расписано в художественной литературе.

Старший сержант Леша надолго умолк. Глядел на Яковлева холодными, потерявшими выражение глазами и молчал.

— Разрешите сесть?— спросил он, чтобы выручить Лешу, и тот сказал:

— Садись.— Сам тоже сел.— Очень ты умный, Яковлев. Но меня не собьешь. В книжках про любовь к матери правильно пишут. Но ведь от некоторых эти писания отскакивают, как горох от стенки. Например, от тебя.— С этими словами помкомвзвода достал из кармана письмо.

Женька увидел почерк на конверте, и сердце его тревожно дернулось. Это был почерк его матери. И тут же Леша стал читать письмо вслух. От того, что читал он его с собственными интонациями, запинаясь посреди фраз, путая ударения, письмо казалось нелепым, Яковлеву стыдно было слушать эти наивные строчки.

«Добрый день, глубокоуважаемый товарищ командир полка, в котором служит мой сын. Не знаю, к сожалению, вашего имени-отчества, но почему-то думаю, что у вас есть свои дети, большие или маленькие, и вы меня поймете...»

Она писала о своем сыне, о нем, Евгении Яковлеве, который проходит настоящую школу воинского мужества, наверняка умнеет и крепнет телом, а вот что происходит с его сердцем — это ей неизвестно. Ей даже кажется, что сердце его потихоньку черствеет. И, может быть, не только у него, потому что армейская жизнь строга и трудна, среда мужская, всякое сердечное слово, как ей кажется, в такой молодой мужской среде не в моде, вот и затихают потихоньку в сердце жалость и любовь, тоска по родным людям и доброта. «Я по письмам Женькиного друга к своей девушке знаю, что сын мой жив-здоров. Не знаю, пишет ли его друг своей матери, но мать вашего солдата Евгения Яковлева уже третий месяц заглядывает в пустой почтовый ящик и врет соседям, что «вам привет от Женьки». Я бы могла ему сама написать и нашла бы слова пронять его. Но это не только обидно, это неправильно. Надо, чтобы он сам понял, чтобы у него была сердечная потребность писать, а не мой приказ».

Он ей ответил. Они все тогда написали своим матерям. Леша закончил политчас тем, что раздал всем тетрадные листки и сказал: «А ты, Яковлев, не обижайся на мать. Не забывай: она тебя родила и вырастила». Никто не засмеялся. Все серьезно склонились над листками. Только Аркашка Головин, Женькин друг с шестого класса, глянув на неподвижно сидящего за столом Лешу Чистякова, спросил:

— Товарищ старший сержант, простите за вопрос, вы сирота?

У Леши была мать. Он взял из оставшейся стопки листок и тоже стал писать.

Назавтра Яковлева вызвал командир части. Извинился.

— Неловко получилось с письмом. Не надо было его читать всему взводу. Перестарался ваш командир.— И неожиданно улыбнулся: — Будете маме писать, кланяйтесь от меня. Она где работает?

— В театре.

— Я так и подумал...

Женька нашел на антресолях свои синие кеды, порылся в ящике, в котором хранилось старье, и вытащил джинсы. Прежде всего надо было поставить шкаф на старое место. Стало обидно, что она передвинула его и вообще всю мебель переставила, уничтожив его обжитый угол, который он не раз вспоминал вдали от дома. Вся стена была заклеена яркими картинками из журналов. Это был целый мир: вулканы извергались, красавицы в купальниках стояли на берегу моря, брала барьер белая лошадь, четыре заграничных близнеца сидели на горшках, в кружевных кофточках. Ничего не говорила, а только он уехал, все содрала. Он загнал кушетку и шкаф на старое место, убрал со своего стола ее флаконы, вазочки и прочую дребедень и тоже передвинул его.

Вот теперь он дома. Его не ждали. Его даже очень не ждали. А он вернулся и будет здесь жить, как жил. Конечно, не так он мечтал вернуться, не так встречают в эти минуты его товарищей настоящие матери, но обижаться не приходится. Как верно заметил сержант Чистяков: «Она тебя родила и вырастила».

Джинсы висели на спинке стула. Он мыл пол в трусах по новому, освоенному в армии способу: опрокидывал ведро воды на пол, а потом собирал эту воду тряпкой. Вытирал пол досуха и снова окатывал его водой. После третьего ведра пол светился и благоухал, как луг после дождя. Потом он мыл посуду и пел свою любимую песню «Опустела без тебя земля». Пел громко, наслаждаясь, что может петь во весь голос и никто не прервет, как бывало: «Женька, заткнись, пожалей песню». А Чистяков од-

нажды сказал, как всегда, самые дурные и оттого самые обидные слова: «Поешь мотивно, а слушать противно».

Потом он надел джинсы и кеды, лег на кушетку и стал думать о Зине. Верней, он старался о ней не думать и поэтому думал. Он давно решил, что целую неделю после приезда не будет ей объявляться. Все ей будут сообщать: «Женька приехал»,— а он даже не позвонит. Стал перебирать в памяти тех, кто прошел по конкурсу. Они уже на третьем курсе. И вообще весь класс уже на чем-нибудь на третьем. Катя Савина, если не развелась, уже третий год замужем. Через неделю после выпускного вечера побежала со своим очкариком в загс. Он вспомнил, как встретилась ему эта парочка, и засмеялся.

— Женька, поздравь нас, мы отнесли заявление.

— Спасибо, что напомнили, мне мать всю шею пропилила этим заявлением.

— Ты о чем? Куда тебя мать гонит?

— В институт.

Они, когда разобрались, хорошо тогда похохотали. Катя сказала:

— Ну, подай, Женечка, и не огорчай маму, неси свое заявление туда, куда она велит.

Они свое отнесли в загс. А Зинка отнесла заявление на фабрику. Он встретил ее, когда она уже работала там, и удивился ее отчужденному виду.

— Ты что, как в пропасть провалилась,— сказал он ей,— и не звонишь даже.

— А зачем?— спросила она, и в ее вопросе был вызов.

— Я двух баллов недобрал,— сказал он.

— Знаю,— так же высокомерно, без капли сочувствия ответила Зина.

— В армию иду.

— И это знаю.

Он хотел ее расспросить, почему она сразу сунулась на фабрику, не попытав счастья на приемных экзаменах, но Зинка, хоть и стояла рядом, была уже на каком-то другом, далеком берегу.

— Ты меня уже не любишь?— спросил он. Он бы никогда не спросил ее об этом, ведь спрашивать о таком — это унижаться, почти вымаливать любовь. Но он понимал, что если не спросит, то эта их встреча будет последней точкой.

Точка, и все, как будто ничего не было. Как будто не была Зинка самой красивой девчонкой в их школе и как будто не она была с седьмого класса в него влюблена.

— Ты меня уже не любишь?— спросил он, подавляя гордость, не глядя на нее.

— Не знаю,— ответила она. Сказала четко, как будто понимала, что этими словами задала ему задачку на целых два года.

Он помнил ее домашний телефон. Помнил и свое решение — целую неделю не думать о ней. Если любит — сама объявится. Он не забыл, как она возникала самым неожиданным образом, когда была в него влюблена. Заячья ушанка, из-под которой свисали длинные пряди светлых волос, светло-карие, блестящие, как желуди, глаза, портфельчик с оборванной ручкой под мышкой: «Ой, Яковлев, это ты?»

«Это уже не я,— говорил он ей, лежа на кушетке и обдумывая свою жизнь,— это для матери своей я тот же, тут ничего не переделаешь — закон природы. А для всех остальных нету прежнего Женьки Яковлева. Остались джинсы, кеды, костюм, который купили к выпускному вечеру, остались глаза, ноги, имя и фамилия, а все, что во мне появилось, никому не известно, в этом я еще и сам не разобрался».

Он думал, что мать приведет гостей и под этот шум, конечно же, Никанора, но она пришла с Анечкой, которую нельзя было считать гостьей, потому что в их доме у Анечки был не только халат, но и постоянное место за столом, которое никто не имел права занимать, и даже жизненное пространство на кухне, куда, если она оставалась ночевать, устанавливали раскладушку. Они явились с сумками, переполненными покупками, и с огромным букетом гладиолусов. Анечка оставила свою сумку у порога, сунула ему в руки букет, и он вдруг вспомнил, что теперь весь вечер она будет верещать своим тоненьким голоском, и так как он виновник торжества, то смыться из дома не представится возможности.

— Евгений, ты возмужал!— Анечка оглядывала его со всех сторон, а он стоял посреди комнаты с букетом и улыбался.— Туся, он стал настоящим мужчиной. Туся, ты погляди, какой волевой у него профиль.

Их вдвоем он ни разу не вспоминал. Анечка была лет на десять старше матери. У нее была манера, как он установил это еще в девятом классе, оглуплять все, к чему она прикасалась. Хорошее мамино имя Наташа в ее устах превращалось в Тусю, новый серьезный фильм — «это, знаете, про то, как один вполне приличный человек оказался решительно не тем, за кого себя выдавал». Когда-то в молодости ее бросил муж, и она, когда что-нибудь вспоминала и хотела сказать, что дело было давно, в ее молодости, изрекала: «Это было до моей катастрофы». Он сердился на мать, что та жить не может без Анечки, и, когда хотел обидеть ее, говорил: «Вот теперь ты вылитая Анечка».

Мать работала в театре заведующей реквизиторским цехом, была председателем месткома, а Анечку за бестолковость, не дожидаясь ее пенсионного возраста, перевели из гримеров сначала в костюмерную, а потом к дверям в зрительный зал. И даже там, у дверей, где зритель сует за программку гривенник вместо двух копеек, она время от времени умудрялась совершать растраты и докладывать рубли из своей получки.

— Евгений,— поднялась Анечка, когда они собрались за столом и общими усилиями открыли бутылку шампанского,— я хочу объявить тост. Ты извини меня, но в этот торжественный час я хочу пригубить этот божественный напиток не за тебя, а за Тусю, за необыкновенного человека, который волей таинственных свершений природы оказался твоей матерью.

— Все-таки «оказался» или «оказалась»?— перебил ее Женька.

Анечка собрала лоб гармошкой, подняла вверх нарисованные дужки бровей и умолкла. Мать ущипнула его за ногу выше колена и кивнула Анечке.

— Он потом разберется, продолжай.

Она знала, что она «необыкновенный человек», но одно дело знать, а другое — убеждаться, что это знают другие. Женька потер ладонью место, куда она ущипнула. Не дождавшись конца Анечкиной речи, отхлебнул из бокала и стал смотреть в угол.

— Я, Анечка, хотела всегда, чтобы он вырос добрым и чутким человеком. Если бы мне предложили выбор: твой сын будет великим талантом, но жестоким или бездарностью, но с добрым, любящим сердцем, я бы выбрала второе.

Ничего этого она не хотела. Она хотела всегда его мучить. И так как это у нее получалось, он тоже научился этому. Самые трудные дни у них бывали после разлуки. Соскучившись, они не знали, как подойти друг к другу. Он приезжал из пионерского лагеря, и они ссорились. Она возвращалась из отпуска, и день-другой их разделяло отчуждение. Сегодня был такой день. Чтобы показать им, что за столом с ними сидит не прежний мальчик Женя, что этот новый Женя еще мало знаком им, он собрал в себе отвагу и спокойным, незаинтересованным голосом влез в разговор:

— А как поживает Никанор? Даже странно, что никто о нем ни слова.

Анечка поперхнулась, мать бросила в его сторону испуганный взгляд, но быстро взяла себя в руки. Ответила не спеша, обдумывая каждое слово:

— Никанор Васильевич живет теперь с нами в одном доме. Удалось обменять квартиру. Что тебя еще интересует?

— Меня он, как известно, никогда не интересовал. Но просто странно, что вы не говорите о нем.

— Мы поженились с Никанором Васильевичем полгода назад.— Голос матери звучал ровно.— Зная, что это тебе неинтересно, я не писала.

После этих слов должен был рухнуть потолок или взорваться на кухне газовая плита. Он должен был хлопнуть дверью, выскочить из дома, но ничего такого не случилось. Он откинулся на спинку стула и обиженно произнес:

— Видишь, как славно вы тут без меня устроились.

Окончание следует.

ВСТАНЬ И ИДИ, МАРИТЕ!

«Уважаемая редакция, как объяснить вам да убедить, что давать читать чужие письма не грешно?»— так начинает письмо в «Огонек» Марите Стенюлите.

В нелегкие послевоенные годы она заболела, а помочь ей вовремя не смогли. Болезнь не отступила. И тогда девочка решила, что кровать в избе — это ее «место в жизни». Так бы, наверное, и думала, если бы однажды, случайно включив телевизор, не услышала рассказ об Ирине Борисовне Триус. Судьба этой женщины необычна. Тяжелый недуг на многие годы приковал И. Триус к постели. Приковал, но не выбил из жизни... Она окончила второй институт, изучила несколько языков и ныне работает старшим научным сотрудником в Институте информации Министерства путей сообщения. Пишет. Изданы ее книги: «Спасибо вам, люди!», «Жить стоит». Последняя удостоена премии имени Николая Островского. С некоторыми ее рассказами «Огонек» познакомил своих читателей (№ 43, 1972 г.).

Тот вечер у экрана перевернул всю жизнь Марите. «Значит, можно победить болезнь»,— думала девочка. Она написала Ирине Борисовне и попросила: «Помогите мне». Получила ответ. Потом было еще одно письмо и еще много-много «неслыханных писем» за десять лет, что длится их переписка.

За эти годы Марите окончила с медалью школу, поступила в Вильнюсский университет, получила диплом и работает в Вильнюсе, в издательстве.

Они увиделись впервые летом прошлого года — Марите приезжала в Москву.

Все эти годы она бережно хранила письма. «Имею ли я право держать их в сундуке только для себя одной?»— спрашивает Марите, обращаясь в редакцию.

С разрешения автора публикуем письма и выдержки из них.

Встретился ли тебе, дорогой читатель, такой человек в жизни?

Дорогая моя Марите!

Долго перечитывала Ваше письмо, много думала о Вас. Хочется большого разговора, но встретиться нам, очевидно, не удастся (по крайней мере в ближайшее время), поэтому придется ограничиться письмами.

Нет, слов утешения я писать не собираюсь. Только то, что думаю. И если Вы с чем-то не согласитесь, то по крайней мере верить в мою искренность должны.

Ну, с самого начала. Вы пишете о стыде за свою бесцельно прожитую жизнь. Это трагедия, Марите, но не стыд. Вот я все потеряла двадцати четырех лет, по существу, только начиная жить, все сразу — здоровье, работу, коллектив, любимого человека, все, что составляет простое человеческое счастье. И все же я была уже сформировавшимся человеком, с твердыми взглядами на жизнь, поэтому у меня были силы для борьбы, в которой мне к тому же помогали близкие и друзья. С Вами несчастье случилось в детстве — вот почему Вам было много труднее.

Нет, бичевать себя Вам не надо. Надо хорошенько подумать и решить, как сделать Вашу жизнь красивей, интересней, осмысленней. И это возможно. Только одного не ждите в Вашей жизни — она не может быть легкой. Но ведь легкая жизнь — вовсе не всегда счастье.

С моей точки зрения, самое большое и главное счастье человека — быть нужным жизни, полезным людям. Конечно, масштабы «полезности» бывают разными, это зависит и от того, на что человек способен, и от того, как складывается жизнь. Вот Вы с грустью говорите, что возитесь с детьми сестер. Но разве Вы не сознаете, что принимать какое-то участие в воспитании детей, вкладывать в их души что-то свое, учить их добру и делать из них настоящих людей — разве это не значит быть полезной, нужной? Поверьте, когда дети будут подрастать и ответят Вам привязанностью и любовью, это станет Вам высшей наградой. Но любовью можно ответить только на любовь, понимаете?

Вы с пренебрежением пишете: «плести корзины или заниматься рукоделием». Ну и что же? Вовсе не так плохо, если этим можно зарабатывать на хлеб. Когда у меня уже было два диплома о высшем образовании (инженера и экономиста) и я только начинала самостоятельно изучать иностранные языки, я работала в инвалидной артели и вышивала там детские распашонки, вязала шарфики и шапочки и была счастлива, что зарабатываю сама. В жизни нельзя делить дела на большие и маленькие. Лишь бы труд был полезным. Другое дело, что человек всегда должен стремиться к лучшему, внутренне расти.

Мне кажется, в свободное время Вы могли бы учиться. Письмо Ваше написано не совсем грамотно, но по нему видно, что Вы человек умный, способный, начитанный. А раз так, надо учиться. Попросите, чтобы сестра достала Вам учебники, попробуйте заниматься и сдавать экзамены за среднюю школу заочно. Если бы Вы учились, наверное, хорошо бы писали. Но ведь чтобы стать писателем, надо много знать. Попробуйте — учиться никогда не поздно.

И еще, дорогая Марите, не прячьтесь от людей, не стесняйтесь своей болезни. Ведь ценность человека в его внутренних качествах. Если Вы любите людей, люди будут любить Вас, будут к Вам тянуться, и уйдет одиночество. В нашем положении люди часто сами создают свое одиночество. Разве одним здоровьем богат человек? И разве только образованием? Человек определяется прежде всего его душевными качествами. А по душевным качествам, я уверена, Вы одна из лучших!

* * *

Отвечаю не сразу. Работаю по 7—8 часов в день, лежа, руки почти на весу. Такое положение усиливает и без того частые боли в спине. К тому же устают глаза.

Письмо Ваше меня очень обрадовало. Я почувствовала Ваши возможности найти свое место в

жизни. Почувствовала и Вашу энергию, с которой Вы начнете любое дело. Правда, иногда человек сильно загорается, а потом, встретив первые же трудности, отступает. Довести трудное дело до конца всегда труднее, чем начать. А трудностей у Вас впереди очень много. И еще. Как бы человеку ни помогали другие люди, все равно главное он может сделать только сам. Вы должны понять это сразу.

Теперь — о деле. Вы решили правильно, что алгебра и физика Вам и не так нужны. А русский язык, литовский и позднее какой-нибудь иностранный язык просто необходимы. Я тоже верю в Вашу возможность заниматься переводами. Судя по Вашим письмам, у Вас литературные способности есть. Не каждый, кто пишет грамотно, умеет так излагать свои мысли.

* * *

Отвечаю сразу на оба Ваших письма, а может быть, и впрямь улетит — на оба твоих письма. Дорогая девочка! Письма твои, как всегда, очень хороши. Я читаю их по нескольку раз. Все больше верю, что впереди у нас долгая дружба.

С нетерпением жду вести о том, как решается у тебя вопрос с работой. Может быть, мне куда-нибудь написать?

У нас дождливо, холодно, уныло. И отпуск мой проходит очень неудачно. Не знаю, будет ли в этом году у нас лето. Со здоровьем тоже что-то неважно.

Ну, вот и все «новости». Хочется, чтобы было посветлее и потеплее. Но уже это не всегда зависит от самой себя. А впрочем, зависит! Я и теперь еще верю что счастье человека во многом зависит от самого человека!

Пишите мне, дорогая Марите, пиши мне!

* * *

Сейчас поделюсь с тобой своей затеей. Я задумала написать повесть (документальную), начала писать еще зимой, но трудно было выкраивать время, все больше приходится работать. Ну, а сейчас в отпуске «приналегла» по-настоящему. Повесть в основном закончила, но теперь много предстоит поправлять, дополнять, переделывать. О чем я писала в ней? Да о своем трудном пути, о людях, которых встречала и которые помогали мне жить. О том, как человек может быть счастлив даже в беде. Не знаю, что из этого получилось. Там видно будет. Пока же я просто хотела удовлетворить потребность своей души.

Как только окончательно перепечатаю, пришлю один экземпляр тебе, обязательно. Так что независимо от того, увидит ли моя повесть свет или нет, у тебя она будет. Ты очень светлый человек, девочка, и мне радостно с тобой дружить!

Ты воспринимаешь жизнь и окружающий тебя мир умно, тонко, значит, надо стремиться к тому, чтобы больше познавать в этом мире. Мне бы очень хотелось, чтобы ты много в жизни знала, чтобы тебе, такой чуткой ко всякой красоте, приоткрылся мир прекрасного; чтобы ты побольше читала, и не только обычные книги, но со временем серьезные об искусстве, литературе и даже о живописи. Тогда твоя жизнь будет полнее. И еще мне хочется, чтобы ты начала работать. Какие еще есть возможности с работой у вас там в колхозе?

Ты права, когда пишешь: можно жить интересами близких тебе людей. Я считаю, что даже здоровые и счастливые люди, если они обладают настоящей, большой душой, не могут жить только своей жизнью и только собой. Чем богаче они душой, тем больше отдают себя людям. Все это так. И все же как бы человек ни жил другими людьми, он непременно должен иметь какой-то свой мир. Таким миром может быть любимая работа, может быть искусство или книги (если этим серьезно заниматься), может быть любовь. Если ты сама будешь много знать, будешь умной, мудрой, щедрой, то ты сумеешь давать людям гораздо больше, а люди всегда будут тянуться к тебе, и ты никогда не будешь одинокой.

* * *

Письмо Стефе, сестре Марите.

Уважаемая Стефа!

Я знаю, как любит и уважает Вас Марите, какое влияние имеете Вы на нее, и потому обращаюсь к Вам с просьбой.

Вот уже скоро год, как я переписываюсь с Марите и пришла к выводу, что у нее недюжинные способности. Ведь она, насколько мне известно, окончила всего лишь шесть классов. В письмах она делает ошибки, но не в грамматике суть. Поражает ее глубина мысли, образность выражений, большой кругозор, огромная жизнеутверждающая сила. По-видимому, образование дали ей книги. Я получаю очень много писем, особенно от молодежи, но самые интересные, самые яркие — от Марите. Надо думать о ее будущем, чтобы она нашла свое место в жизни. Я прошу Вас помочь мне в том, чтобы найти для Марите правильный путь. Каковы возможности окончания ею средней школы? Ведь без этого никуда не возьмут.

Подумайте, Стефа, и посоветуйте мне, куда лучше всего обратиться. Вам, зная местные условия, легче решить. Подскажите мне. Я сделаю все, чтобы не пропали ее способности. Этого просто нельзя допустить.

* * *

Закончила наконец свою повесть. Конечно, вчерне, но закончила. Получилось у меня около 200 страниц на машинке. Заканчивается повесть описанием большой переписки, которую я веду. Понимаешь, я ведь получаю множество писем, и именно эти письма и вызвали во мне желание написать свою повесть.

Если бы ты знала, с какими судьбами я сталкиваюсь, сколько человеческого горя и отчаяния, одиночества и беспросветности читаю я в письмах и как по воле окружающих людей жизнь оборачивается к солнцу. Когда люди хотят, они могут сделать много. Конечно, и сам человек, попавший в беду, должен уметь остаться в ней Человеком. Вот основная моя идея.

Мне бы хотелось, чтобы ты попробовала вести что-то вроде дневника, где описывала бы не только свой внутренний мир, но все то, что видишь вокруг. Ты отлично описала мне трех твоих друзей-стариков. Это же характеры! Я их вижу перед собой живых! Не могу утверждать, что ты станешь писательницей, но надо развивать в себе способности, а что получится, не знает никто. И более того, даже если ничего не получится, то образование и навыки, которые ты получишь, будут давать удовлетворение тебе самой. А может быть, ты станешь учительницей по литературе в вашем селе — разве это плохо? Будешь открывать детям мир искусства. Это же замечательно, Марите! Главное в твоем образовании зависит от тебя самой.

* * *

Ну вот вроде бы и зима пришла: я это чувствую лишь по своему заснеженному подоконнику.

Как проходит у вас зима? Я ведь зимой в сельской местности никогда не жила, а, наверное, есть там столько прелести. Напиши, какие у вас дома и какие улицы, далеко ли лес. Что ты читаешь и смотришь ли телевизор? Как твои племянники? Когда-нибудь я напишу тебе подробно о некоторых из моих корреспондентов, ставших теперь просто друзьями. Напишу, как они отвоевывают свое полезное место в жизни. Первым будет рассказ о мальчике 23 лет из города Гомеля. Но сначала подожду, когда все у него окончательно устроится. Борьба наша за Мишу продолжается уже 8 месяцев и вот, кажется, подходит к концу. А впрочем, нет, не к концу — это лишь самое начало, первый рубеж. Впереди у него целая жизнь и, значит, много трудностей, побед... У тебя — тоже. Буду рада каждой твоей победе, девочка, каждому новому рубежу, который ты возьмешь еще в жизни.

И. Б. Триус.

Марите Стенюлите.

...Ты права, когда пишешь: «Если человек делает счастливым других, он и сам счастлив». Вот наша дружба с тобою. Я вовсе не считаю, что помогаю в чем-то тебе. Мы дружим с тобой и даем друг другу взаимно, хотя, может быть, и не в одинаковой мере. В одинаковой мере давать невозможно, да и как это измерить? Дело просто в том, что мне твои письма приносят радость. Я согласна с тобой, что после слова «любить» слово «помогать» — самое сладчайшее в мире. Когда откликаешься на чью-то беду, вовсе не думаешь, какое потом испытаешь удовлетворение. Откликаешься, потому что не можешь иначе. Вот и все.

* * *

Моя дорогая девочка!

Посылаю, наконец, тебе свою книжечку. Если в самом деле вздумаешь ее перевести, попроси Стефу перепечатать у машинистки. Так лучше читается.

К 20-му уеду на дачу. Там, на воздухе, и здоровье должно стать лучше. А сейчас голова болит.

* * *

Ау-ау, девочка!

Да я и впрямь в лесу. Все участки дачные — в соснах. Твое письмо принесло мне большую радость — ты работаешь!!! Поздравляю тебя, родная! Где-то на душе неспокойно — как справишься? Может быть, стоит мне написать людям, с которыми ты работаешь?

* * *

Твое письмо огорчает. Прежде всего тем, что так сложно с публикацией перевода, который ты сделала. У твоих товарищей по работе не должно складываться впечатления, что ты работаешь просто так, чтоб занять себя. Они должны знать, что это твой кусок хлеба и ты дорожишь им.

Не нравятся мне и твои рассуждения об учебе. Если бы ты сразу начала учиться (пусть и заочно) в школе, да еще проходила бы за год два класса, то сейчас уже кончала бы школу — ведь мы переписываемся почти три года. Наверное, я виновата в том, что не смогла настоять.

С неба ничего не падает, всего можно добиться только трудом. Ты уж, пожалуйста, не обижайся, что вместо того, чтобы тебя поддержать (ты ведь лечишься!), обращаюсь к тебе с нотациями. Но ведь это оттого, что твое будущее для меня очень небезразлично. У тебя недюжинные внутренние силы — жизненные силы, но без труда ты ничего не достигнешь.

Марите, дорогая, и лечиться нужно тоже упорно. Это счастье, что ты попала в санаторий. Не торопись, доведи лечение до конца!

* * *

Ты молчишь, и я не знаю, что с тобой, как твое лечение, как все твои дела. Думаю о тебе часто, помню — всегда!

Мечтаю послать тебе почитать мою новеллу, которую написала еще летом. Но это чуть погодя, а сейчас хочу знать, что с тобой. Если бы ты знала, как я мечтаю о том, чтобы ты была счастлива... Чтобы ты нашла себя по-настоящему. И никто не сумеет это сделать вместо тебя — только ты сама.

Ну, как же ты не написала мне

имя твоего преподавателя литературы? Если бы я знала это, я бы написала ему немедленно. Ведь я рада, что наконец рядом с тобой находится человек, который во многом поможет тебе. На расстоянии так трудно по-настоящему помочь. А теперь я спокойней. Если бы ему удалось помочь опубликовать твой перевод... Но главное — чтобы перевод был хорошо сделан. И еще более главное — чтобы ты училась, окончила школу и потом — в университет.

Марите, ты должна выдюжить.

* * *

...Как подумаю, что ты учишься, движешься к цели, так сразу весело делается на душе. Только не бросай, не сворачивай! Сейчас у меня огромный опыт в этом. Если бы ты знала, как много сил, времени, души отдано многим, многим мальчикам и девочкам, и вот теперь уже можно «подвести некоторые итоги». Только небольшая часть дает «всход». Это сильные. И, как я теперь понимаю, быть сильным, самому уметь бороться это главное. А если своих душевных сил мало, если вместо энергии «размазня», то ничья помощь не поможет. Тебе понадобился только толчок, чтобы стать сильной, чтобы найти свою дорогу (дело даже не только в учебе, а, главное, в отношении к жизни). И скажу тебе по правде, каждый твой успех — это мое утверждение в жизни, вернее, утверждение моей веры. А мне это очень, очень нужно сейчас. Спасибо за радость, которую ты так щедро приносишь мне,— и успехами в учебе и силой своего духа, которой ты теперь делишься и с другими. Заканчивай скорее школу, а там я стану мечтать об институте — вот какая я ненасытная!

* * *

Как здорово, что принят твой перевод! Ведь это будет первой твоей литературной работой. Когда выйдет, пришли мне на память.

Мы снова живем на даче. Сейчас я отдыхаю, у меня отпуск. Но придется работать над новой книжкой. А выйдет она, я думаю, года через полтора. Думаю, что до того времени мы непременно встретимся. Значит, будущей весной ты получаешь аттестат зрелости, да? А там — в институт или в университет. Непременно!

Вот посылаю тебе вырезки из «Известий» — люди пишут о главном человеке в жизни. Ведь у каждого такой человек есть. Если есть у тебя, то попробуй и ты написать. Или пиши что-нибудь о жизни вокруг. А если что напишешь, пришли мне прочесть. Вымучивать из себя ничего не надо — писать можно, наверное, только по внутренней потребности. Мне очень хочется, чтобы такая потребность у тебя появилась. Данные для ее удовлетворения у тебя есть. Очень в тебя верю.

* * *

Здравствуй, родной мой Человек!

Всякого рода трудности (и болезни, конечно) мешали мне писать тебе. Мешают и сейчас, оттого строчу всего несколько строк: все мы живы, весна пришла...

Бороться с трудностями иногда весело, иногда утомительно. Мне сейчас утомительно. Будет что-либо веселое — напишу. А ты пиши, твои письма — как свежий ветер врывается в дом...

* * *

Спасибо за то, что ты такая! Победа твоя в сессию (долгожданный университет!) принесла мне огромную радость. Все твое мне бесконечно дорого.

Марите! Почему ты ничего не пишешь о своей семье? Это меня очень тревожит. У самой у меня сейчас трудная пора. Болеет отец. Врачи борются за его жизнь героически, и нельзя терять надежды. Он должен жить! Должен!

Если кончится все у нас благополучно, я приеду летом в Литву — хоть на несколько дней. А сейчас мне надо только одно — чтобы жил мой отец...

* * *

Спасибо за твои письма. Не раз хотела тебе сразу же написать, но жизнь, работа захлестывали, так и не собралась.

Вот ты уже какая у нас «большая» — на третьем курсе! Да, время идет. Я сейчас живу хорошо. Выхожу понемногу на улицу (на костылях). Бываем с мамой в гостях (на машине, конечно!). На днях возили меня в институт, где я работаю уже 13 лет и ни разу не видела его.

Когда же ты приедешь в Москву? И когда же наконец увидимся?

* * *

Марите! Теперь я так редко пишу, потому что ушло беспокойство за тебя. Ты давно уже вышла на дорогу жизни. Закалилась. Утвердилась. И значит, я тебе уже давно не нужна. То есть как подспорье в жизни не нужна. Ты сама теперь можешь стать другим опорой. Ведь правда?

Порой кажется, что мы просто отвыкли друг от друга. Но это лишь «кажется». По моим расчетам, у тебя начались государственные экзамены. Еще чуть-чуть — и университет со всей твоей студенческой жизнью останется позади. Вот и сбылась наша с тобой мечта! Десять лет продолжается наша переписка, ровно десять лет. За это время из деревенской полуграмотной девчонки, прикованной к своей избе, ты превратилась в образованного, взрослого человека, имеющего прекрасную профессию, независимость, твердую почву под ногами, широкий жизненный кругозор. Первое, что приходит мне в голову: стала ли ты счастливее? Подумай, оглянись назад, на прожитые годы, и ответь мне.

Судя по твоим, пусть и нечастым и коротким письмам, ты прожила эти пять студенческих лет насыщенно, интересно.

* * *

Распределение в издательство — прекрасно.

В это лето я надеюсь увидеть тебя. А пока хочется мне поздравить тебя с окончанием университета, с началом трудовой жизни. Пусть будут все новые рубежи, но ты ведь не растеряешь смелость? Успехов тебе. В одном из первых писем я писала тебе: в твоей жизни может быть все, не может быть только одного — легкости. Сейчас, пожалуй, добавлю: и покоя. Беспокойство души будет сопутствовать тебе всегда. Подругому жить ты не сможешь. Ах, как хочется наконец увидеть тебя, поговорить без посредничества бумаги. Приезжай, слышишь?

Всегда твоя Ирина.

К 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АБДИЖАМИЛА
НУРПЕИСОВА

СЫН СВОЕЙ ЗЕМЛИ

Юрий КАЗАКОВ

Никогда не забыть мне осени 1964 года в Казахстане, куда впервые попал я на декаду русской литературы и искусства. Декада отгремела, отсверкала, прошумела бурей восторгов и клятв и умчалась — только пыль взвилась! — и я остался в благостной тишине, под октябрьским солнцем, в горах.

Мне теперь кажется, что в доме отдыха тогда никто не жил, кроме меня и Чингиза Айтматова. Медленно бродили мы с ним по окрестным склонам, пригоркам, среди громадных яблонь. По арыкам иногда пускали воду, и она бежала с упоительным звоном, заворачивая в разные стороны, разбиваясь на все более тонкие ручейки.

Или спускались по дороге несколько ниже и стояли на мосту через шумящую Алматинку и подолгу следили за какой-нибудь прелестной оляпкой, как она бросается, ныряет в воду и пропадает, и гадали, долго ли продержится под водой и где выскочит, на какой мокрый камень, выше или ниже по течению? Поблизости жарили шашлыки на корнях саксаула, бесшумно слетали листья платанов и карагачей, было тепло, покойно...

Или шли на теннисный корт и, напрыгавшись там, намахавшись ракетками до изнеможения, возвращались потом каждый в свою комнату работать: Айтматов писал тогда «Прощай, Гульсары!», я только приступал к переводу эпопеи Абдижамила Нурпеисова «Кровь и пот», к первому ее роману — «Сумерки».

Перевод на русский язык — великая вещь для всякого республиканского писателя. Потому что произведение, переведенное на русский, получает всесоюзного читателя. Мало того, если произведение того заслуживает, дальнейшие переводы на языки братских литератур и на иностранные языки осуществляются, как правило, с русского.

Велико поэтому должно быть мужество писателя, сознание собственного достоинства, чтобы не поддаться соблазну увидеть свою вещь переведенной немедленно — кем угодно и как угодно. Нурпеисов этими качествами обладал совершенно.

Родился Абдижамил Нурпеисов на берегу Аральского моря в семье рыбака и охотника. В 1942 году он уходит на фронт, после войны становится писателем, оканчивает Литературный институт имени М. Горького.

В 1950 году в Алма-Ате выходит на казахском его роман «Курляндия», удостоенный затем республиканской премии, в 1958 году — роман «Желанный день», а в 1961 — 1964 годах — первая и вторая части трилогии — романы «Сумерки» и «Мытарства».

Нет, Нурпеисов не торопился писать, не торопился печататься и тем более не спешил переводиться. Начав работать над трилогией, автор скоро понял, что прикоснулся к теме великой и что спешка в данном случае может испортить все дело. Чингиз Айтматов в предисловии к русскому изданию романа «Сумерки» сравнивал творчество Нурпеисова с конем, который долго бежит в хвосте скачек и только перед финишем вырывается вперед, и тогда все видят, какой, оказывается, это чудесный конь!

В ту далекую уже осень в горах я не знал, что судьба надолго свяжет меня с героями Нурпеисова. А от главы к главе, от книги к книге герои Нурпеисова все множились, уже целые армии вышли на страницы эпопеи, немногие рыбацкие радости сменяло многочисленное горе, любовь сменялась разлукой и смертью, и дремотная жизнь многих аулов и городов была нарушена жестокими боями...

Я уже писал как-то, что после «Абая» Мухтара Ауэзова казахскому писателю нужен не только талант, нужна еще смелость, чтобы взяться за исторический роман. Потому что «Абай» для казахской литературы стал тем эталоном, которым долго будут измеряться эпические произведения других писателей. И Нурпеисов доказал, что такой смелостью он обладает. Трилогия написана, многократно издана на казахском и на русском языках, переводится на иностранные языки. С крупномасштабными произведениями часто бывает так, что чем дольше живут они самостоятельной жизнью, тем становятся значительнее, и вот уже прекрасный знаток казахской литературы Зоя Кедрина называет трилогию «Кровь и пот» энциклопедией становления Советской власти в Казахстане...

Теперь я понимаю, как волновался Нурпеисов, отдав в мои руки свой роман. Чуть не каждый день приезжал он в горы, напряженно вчитывался в новые страницы, с тревогой приглядывался к своим героям, заговорившим вдруг по-русски. Зато каким белозубым мальчишеским смехом заливался он, когда ему особенно нравилась какая-нибудь глава, вышедшая из-под моей руки. Как нежно говорил он о запахе полыни в аральской степи, о том, как цветут маки весной, как кажется тогда, что вся степь горит, о том, как чудесно заливаются жаворонки над головой путника. Беспредельно любящий свою Родину, свой народ, Нурпеисов и меня заражал своей любовью. Какие прекрасные песни он пел мне и как радовался, видя, что и меня увлекает поэзия древнего народа!

Чуть не юношей показался мне Абдижамил Нурпеисов десять лет назад. Никаких признаков маститости не замечал я в нем и в последующие наши нередкие встречи. И вот вдруг дорогому Абе, как зовут его друзья, исполняется пятьдесят лет! В юбилейных речах всегда принято говорить о молодости юбиляра. Но в данном случае мне нет нужды лукавить — Абдижамил Нурпеисов действительно молод, здоров, полон творческих замыслов.

«Ты родился, когда выпал первый снег»,— любил говорить маленькому Абдижамилу его отец Карим. Что ж, согласно народной примете, особенно долговечны и бодры духом люди, хватившие снежку в день своего появления на свет.

Когда думаешь о писателе такого дарования и масштаба, как Нурпеисов, воображаешь не только человека, но и ту землю, на которой он народился. И если Нурпеисов — благодарный сын своей земли, своего народа, то и земля должна гордиться, что среди бесчисленных ее сыновей есть человек столь талантливый, есть писатель столь правдивый и мужественный.

Б. Неменский. ДЕВУШКА В ЧЕРНОМ ПЛАТКЕ. 1963.

Б. Неменский. В ШКОЛЕ.

ДЕЛО О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

Руфь ЗЕРНОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УШАКОВА.

Был и Кирилл: он не поехал на кладбище, это было бы странно, но он пришел к выносу, и Алла это отметила.

Все стояли во дворе, пожимаясь от сырости: с неба сыпалась какая-то мокрая крупа. Алла раскаивалась, что не захотела гражданской панихиды на работе у отца. Им предлагали, они отказались. Тогда женщина из месткома осторожно спросила: может, вы по обряду хоронить хотите? Алла не сразу поняла, про какой обряд та говорит. Потом сказала: нет, не хотим.

В общем, вынос происходил прямо из морга, но все равно гражданская панихида состоялась — на кладбище. И тут Алла услышала столько хороших слов об отце, что стала плакать. Потом еще несколько дней, когда она вспоминала речи на кладбище, слезы начинали литься сами собой. Хорошо, что эти слова были сказаны; эх, если бы хоть половину их он услышал при жизни! Но все было как надо, он был бы доволен.

В этих мыслях они с матерью признались друг другу, и мать сказала:

— Я все время хочу пойти и сказать ему: а знаешь, даже Леша Гриневич пришел.

Алика на похоронах не было: ему не сообщили.

Алла не рассказала матери про звонки. Иногда она спрашивала себя, правильно ли поступила. В конце концов мать имела право знать больше, чем кто-нибудь, имела право, во всяком случае, больше, чем Кирилл или Алик. Но Алла знала, что это придавит ее совсем, слишком уж это страшно. Она начнет мучить себя, доискиваться: кто, почему, за что? Нет, лучше пусть думает, что случайно, что какой-нибудь пьяный хулиган...

— Наверное, шапку хотел снять,— сказала соседка.— Шапка такая богатая.

Пыжиковая шапка, мать достала ее когда-то через сватью.

«Нелепая случайность вырвала из наших рядов...» — говорили в речах сослуживцы. Алла думала: не случайность, а хладнокровное, обдуманное убийство.

Может быть, и следовало, чтобы на работе знали. Может, именно там могли бы подсказать что-нибудь... Этого Яковлева там, наверное, помнили, кто-нибудь мог бы догадаться, что это он звонит. И его бы обезвредили раньше.

Но Всехсвятский! Ведь он-то должен был понять, сообразить! А теперь расследует преступление...

Предотвратить надо было! Предотвратить!

— Алла Никодимовна,— сказал Всехсвятский после молчания.— Теперь мне приходится возвратиться к вопросу, который я задавал вам при первой нашей встрече. Кто знал про звонки?

— На работе у отца никто не знал,— ответила Алла, продолжая ход своей мысли.— И, наверное, зря — они бы могли подсказать еще тогда.

— Возможно, вы и правы. Но сами вы кому-нибудь об этих звонках говорили?

— Говорила,— сказала Алла.— Только одному человеку!..

— Кому?

— Одному приятелю — просто поделилась с самого начала. Но это теперь не имеет значения. Все равно это он... Яковлев... Через дружков. Ведь это типичный уголовник.

— Может быть,— сказал Всехсвятский задумчиво.— Может быть, и правда — через дружков.

— Ведь если бы случайные хулиганы какие-нибудь... Что-нибудь они взяли бы. Хоть ту же шапку, у папы была дорогая, пыжиковая. Или кошелек. Но ведь ничего!

— Похоже, что так,— согласился Всехсвятский.— Похоже на сведение счетов. Так как зовут вашего приятеля?

— Кирилл Андреевич Жуков. С отцом моим не был знаком. Дома у меня не бывал. Работает в Доме быта нашего района, часовщиком. Проживает...

Всехсвятский все записал и посмотрел на нее:

— У вас с ним дружеские отношения?

— Да. То есть я не знаю, что вы имеете в виду. У меня с ним нормальные отношения, приятельские. Я ему рассказала раньше всех, он мне и посоветовал обратиться к вам.

— Он женат?

— Нет. Живет один.

— Ухаживает за вами?

Алла чуть усмехнулась.

— Я и этого слова не понимаю. В кино меня водит иногда. Иногда по неделям не видимся. В день... в тот день мы как раз были с ним в кино, смотрели «Мертвый сезон». Я ушла после первой серии, он остался досматривать.

— Телефон у него есть? Можно ему позвонить домой?

— Есть, конечно.

Всехсвятский записал телефон. Алла перевела дух и сказала:

— Еще один человек знал, мой бывший муж. Но не от меня. Ему Кирилл сказал.

— Так. Зачем?

— Ну, просто, наверное, Кирилл хотел, чтобы он не дергал меня. Чтобы понял, что мне и без него хватает.

— Они с вашим мужем дружны?

— Ну, как сказать — дружны? Встречаются... Мы все встречаемся... Дружбы там особой нет.

— А у мужа вашего какие были отношения с вашим отцом?

— Это не он,— сказала Алла.

— Я ведь не говорю, что он. Но вы мне ответьте на вопрос.

— Пожалуйста. Пока мы жили вместе, отношения были плохими. А теперь он раскаивается. Когда он узнал про эти звонки, он был страшно возмущен. Все кричал, что ребра пересчитает тому, кто звонит. Да что я объясняю! В тот день он как раз с сыном моим... нашим был, провел всю субботу.

— Все-таки мы должны его вызвать,— терпеливо сказал Всехсвятский.— Скажите, пожалуйста, как нам его найти.

— Пожалуйста. Костурич Александр Николаевич, проживает...

Алла сказала адрес. Всехсвятский записывал.

— Работает?..

Алла невесело усмехнулась:

— Нигде он, кажется, сейчас не работает.

— И давно так?

— Да порядочно.

— Поэт? Или художник? — спросил Всехсвятский с пониманием.

— Ни то, ни другое.

И вдруг, рассердившись, она сказала:

— Вы ведь его увидите. Вот и спросите. Я уже давно не спрашиваю.

Когда Алла ушла, Всехсвятский сказал Вите Никулину:

— Вот тебе и ерунда! «Для детектива не существует мелочей». Что думает по этому поводу товарищ Никулин, у которого есть интуиция?

— Вы смеетесь, Гень Иваныч, а между прочим, у меня мыслишка есть,— сказал Никулин.

— Хочешь, угадаю? — спросил Всехсвятский.

— Значит, и вам она в голову пришла,— сказал Никулин убежденно.— Это уж что-то значит, если двоим в голову пришла одна и та же мысль.

— Между прочим, Ильф и Петров...

— Все верно, они такую мысль отбрасывали. Но они делали это только в начале своего творческого пути.

— А мы с тобой? Я в конце, ты в начале. Если выводить среднее — значит, мы с тобой детектив в расцвете сил.

— Вы еще не в конце, Гень Иваныч,— вежливо сказал Никулин.

— Ладно! А мысль твоя ясна. Бывший зять?

— Зять? — удивился Никулин.— Ах, ну да, бывший муж дочери. Но, конечно, это так — рыба. Просто есть смысл проверить.

— А как тебе Яковлев?

— Яковлев... Не похоже что-то. Слишком бескорыстно.

— А что звонил — похоже?

— Глупо для него,— сказал Никулин, подумав.

— Тайны психологии,— сказал Всехсвятский.— Загадки, кроссворды и ребусы.

VI

Где? Когда? Чем? Для чего? Или почему? И, наконец, кто?

Большое уравнение со многими неизвестными. Но есть и известные. Например, где. В том подъезде, в котором он жил. И пыль на пальто, та самая пыль, что густо лежит на асфальте двора и на бетоне ступенек: полная химических и угольных частиц пыль заводского района, который еще не начал воевать за охрану окружающей среды.

Там, на площадке третьего этажа, около пяти часов вечера Соколовский в последний раз увидел свет. Свет шел снизу, со второго этажа, где лампочка не перегорела.

Своего убийцу он, вероятно, не увидел: удар был нанесен сзади. Чем-то тяжелым, не оставляющим следов. Похоже на мешок с песком. Какие-то песчинки даже оказались на пальто убитого. Несовременное орудие убийства. Даже средневековьем отдает. Он не забыл курса Александра Александровича Смирнова, он, Всехсвятский, совершенно случайно не состоявшийся филолог: он помнит, что в итальянской новелле Дездемону убивал не Отелло, а Яго и орудием убийства был чулок с песком.

Ну, а для чего или почему? В данном случае они могли бы помочь разрешению последнего вопроса, самого главного: КТО?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40—42.

По-видимому, ограбления не предполагалось. Часы, кошелек с семью рублями — вот и все, что было при убитом. Ни обручального кольца даже... Впрочем, это поколение не носило обручальных колец. И пыжиковая шапка! Тоже ценность. Но и на нее не польстились.

Он видел все эти ценности: и шапку, и кошелек, и часы. Часы карманные, немецкие, луковицей, похоже, что память военных лет. Но товарной ценности не представляют никакой, даже в наши дни, когда антиквариат так вздорожал.

А даже если бы представляли? Все равно они на месте.

Значит, не с целью ограбления. Не для чего. Стало быть, почему? Или, может быть, за что? Месть? Вендетта? Сведение личных счетов? Или случайный хулиган?

Случайного хулигана сбрасывать со счетов нельзя, хотя это и противоречит никулинской интуиции. Уже почти термин — никулинская интуиция. В ковалевском деле туфельки учуял правильно. Нашлась хозяйка туфелек — и дело раскрылось, как тюльпан. Убил-таки Ковалев жену. Привел к себе знакомую артистку миманса, думал, жена на даче. Тут она и выйди из ванной к ним в переднюю. И знакомая, только успевшая скинуть туфли, так босиком и спасалась из негостеприимного дома. А в доме произошло убийство.

Не просто было разыскать ту знакомую, но разыскали все же. У Никулина на лице с тех пор одна скромность. Щавинский его называет «наш Аввакум Захов».

Нет, пора, пора на преподавательскую работу. Только раскрыть дело Соколовского. Вопрос чести.

Тут, кстати, никулинская интуиция подвела. Все возмущался Витя, что с такой ерундой к ним обращаются.

Как говорится, не подошли с достаточной серьезностью. А расплачиваться пришлось другим.

В общем, за такие случаи полагалось бы взыскивать. Брак в работе.

Сбрасывать хулигана со счетов нельзя, но маловероятно. Мешки с песком хулиганы редко захватывают из дому на всякий случай. А главное — вызов по телефону. Кто звонил? Если звонил преступник — вопрос о неизвестном хулигане отпадает сам собой. Соколовский спустился только до третьего этажа, тут его и убили. Если бы его ждали внизу, то потом он бы поднялся на лифте. Лифт работал. Значит, убийца ждал его на третьем этаже. Похоже, что так, похоже, что так. Похоже, что звонил преступник, заранее все обдумавший, действовавший хладнокровно.

Действовавший хладнокровно, знавший уклад семьи, изучивший плацдарм, на котором будут разворачиваться события. Он знал, как работает лифт — только поднимает вверх; знал, что на третьем этаже нет лампочки; в общем, знал много и уж, конечно, знал Соколовского. Кто все это знал про лифт и прочее?

Всехсвятский записал в блокноте:

Костурич А. И. (жил в семье больше года). Кто мог узнать, если захочет?

Да кто угодно. Ну, хоть Яковлев или кто-нибудь по его поручению. Кто-то неизвестный? Кто-то из прошлого? Старый враг? Бывает, конечно. Но преступление связано с яковлевскими телефонными звонками прямо или косвенно. Совпадение тут маловероятно. А кто знал о яковлевских звонках?

1. Яковлев. Возможно, плюс кто-то посвященный с его стороны.
2. Костурич.
3. Жуков.

Итак, самая крупная часть — на Яковлеве. Яковлев сам по себе пятьдесят процентов, потому что звонил. И плюс этот самый возможный посвященный. То есть вероятность Яковлев плюс «п» — процентов семьдесят пять.

Двадцать пять на оставшихся двоих — на Костурича и Жукова.

Костурич жил в доме, знал Соколовского и не любил его. Отношения, по словам Аллы, давно стали плохими. Вероятно, старик не хотел терпеть в семье тунеядца, что понять нетрудно.

Жуков. Не знал Соколовского, не имел к нему никакого отношения. Путает то, что он один из троих, наверняка знавших про яковлевские звонки. Но поводов у него нет.

Жуков — процентов пять. Чтобы не снимать со счетов никаких мелочей. Внимание к мелочам! Была когда-то такая газетная рубрика: «Внимание к мелочам!» Придется посмотреть этого Жукова. Надо поговорить с Соколовской-старшей — вероятно, с ней уже можно говорить. Она может знать что-нибудь, чего не знает Алла.

А Костурич исчез из дому. С той субботы не ночевал дома. Мать ничуть не беспокоится: там, видимо, полная независимость. У нее своя жизнь, она даже удивилась, когда ее спросили, где может быть ее сын. Откуда ей знать, он взрослый.

Докладывавший оперативник сказал с неудовольствием:

— В комнату боялась меня впустить. Видно, у него приятели такие — в комнату впустить опасно.

Оперативник был молодой, самолюбивый.

— И сама такая... Глаза подведены. Старая, а глаза подведены какой-то синькой.

Ладно, далеко Костурич не уйдет. Все равно не миновать им встретиться.

Нехорошо все это, думал Всехсвятский, ни возбуждения умственного, которое вызывали в нем некоторые запутанные дела, ни охотничьего напряжения. Вялость и чувство вины. Плохое начало.

И, кроме чувства вины, что-то еще. Самолюбие задето, вот что. Кто-то провел его, как маленького, обвел вокруг пальца. Кто-то сейчас в своем углу посмеивается. Телефонные звонки эти. «Мелкое хулиганство». Вот тебе и мелкое хулиганство! Мелочи жизни!

Это Таня так говорила, еще в школьные годы: не расстраивайся, все это мелочи жизни.

Вот тебе и мелочи! И нет Тани, чтобы ей это рассказать.

Всехсвятский застал Полину Федоровну Соколовскую одну. Он смотрел на нее и думал, что дочь гораздо жестче, грубее. У матери в лице было много округлостей: щеки, брови, подбородок. Доброе, веселое лицо: гримаса плача была ему непривычна. Приятная, моложавая женщина — его ровесница, между прочим, он мог сидеть с ней за одной партой. И он представил ее себе восьмиклассницей: длинная стрижка, длинная юбка, коричневый загар, белые с голубым тапочки и берет набок... Так ходили девочки в его городе в тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Он сказал ей, как сказал бы девочке из своего класса:

— Не ручаюсь, что мы этого мерзавца найдем, но ручаюсь, что сделаем все, что можем. А вы помогите нам. Главное — вспомните все подробности. Поймите, незначительных подробностей в таком деле не бывает. Вспомните, что вы делали, когда раздался телефонный звонок; что говорил ваш муж — дословно; что...

— Давайте я вам сразу скажу: ничего я не слышала! — сказала она решительно. — Я была, извините, в уборной, когда телефон зазвонил. Выхожу, а муж уже стоит в коридоре, одевается. Я говорю: ты куда? А он мне: опять по поводу идиота этого! Ну, тут я уже больше ничего не спрашивала. Когда он в таком состоянии, я никогда сразу не спрашиваю: жду, пока он отойдет, тогда сам расскажет. Особенно когда дело касалось... бывшего нашего зятя. Он все себя винил, что не сумел воспитать дочь как следует.

— То есть?

— То есть встретила красивого подонка и не разобралась, что он собой представляет, сошлась, родила... Я-то, признаться, считаю, что это моя вина. В конце концов мать ближе к дочери, чем отец. Но ведь нельзя предвидеть все. Она была такая... Понимаете, у нас в семье всегда были хорошие отношения, чистая атмосфера, — она, видимо, инстинктивно решила, что жизнь такова. И выросла какая-то... слишком доверчивая. Теперь она изменилась, но до замужества это был совершенный ребенок. Институт окончила, а с виду ребенок и внутренне какая-то... Инфантильность! Ох, эта инфантильность! Вот я учительница, тридцать лет проработала в школе и скажу вам: мы, наверное, идем к неслыханному удлинению человеческой жизни. Если теперь тридцатилетние еще дети...

У нее покривилось лицо, из глаз выкатились две быстрые слезы, она размазала их пальцами по щекам и сказала:

— Я во всем себя виню, во всем. Если бы я с самого начала не разрешила этого брака, то Никодим Ефимович был бы жив.

— Но почему? Вам кажется, что существует прямая связь?

— А вам не видно? Никодима Ефимовича почему вызвали из дома? Из-за этого подонка! Я даже не знаю, откуда вызывали — из милиции, наверное; нашего бывшего зятя часто около нашего гастронома видят: у него тут дружки остались, никак он без них не может. И я вам даже больше скажу. Я теперь думаю, что тот хулиган, который... который Никодима Ефимовича... сзади, предательски так...

Опять у нее набежали слезы, но она упрямо смахнула их и закончила:

— ...что очень возможно, это и был один из тех самых дружков. Знаете как: встретился на лестнице, попросил на опохмелку, Никодим Ефимович не дал, он и...

Теперь она не смахивала слезы, они лились ливмя, но она их не замечала.

Всехсвятский думал, что это удивительно, сколько горя и зла заурядный подонок может внести в хорошую семью; что в этой семье все любили и щадили друг друга и потому о многом умалчивали; что сильно же изменилась Алла — или она только своей матери казалась такой когда-то; наконец, что Алла по-прежнему не все говорит.

— Между прочим, ни из милиции, ни из жэка Никодиму Ефимовичу не звонили. А ваша дочь мне не рассказала, что...

— Да она и не знает. Я не стала ей говорить. Ведь этот мальчишка для нее рана, рана. Конечно, я не думаю, чтобы она его еще любила, но...

Всехсвятский на некоторое время отключился, потом спросил:

— Вещи Никодима Ефимовича вы получили? Не заметили, все при нем было, ничего не пропало?

— Да нет, ничего. Часы, кошелек... Все, что было. В кошельке деньги, семь рублей...

— То есть ясно, что ограбления не было.

Она даже усмехнулась.

— Кому придет в голову? Вы же видите, как мы живем. Шапка пыжиковая — вот и всех ценностей. Часы серебряные... Да нет, это только и мог быть пьяный хулиган, со злости. Из приятелей нашего зятька.

— А может быть, личные счеты?

— У Никодима Ефимовича?

Всехсвятский промолчал. Она взглянула удивленно, подождала, потом жалобно спросила:

— Вам что-нибудь известно такое... чего я не знала?

— Вы имеете право все знать, — сказал Всехсвятский. — Тут есть еще одно обстоятельство.

Он рассказал ей про телефонные звонки, про Аллино заявление, про Яковлева — словом, все, что знал сам. Он для себя отметил, что в начале его рассказа лицо ее словно распалось, разложилось от страха ожидания. Потом, когда он дошел до Яковлева, оно окрепло, успокоилось. Чего она ждала с таким ужасом? Вдруг он сообразил: рассказа про измену, про вторую семью, про двойную жизнь — вот чего она страшилась, бедняга... Ведь ей за пятьдесят, она много чего повидала...

— И вы не арестовали этого Яковлева? — изумилась она. — Отпустили его просто так? Ведь это же... гитлер какой-то!

— Он не отрицает, что звонил, но...

— Вы ждете, что он вам скажет: да, я убил человека?

— Он в то время, когда было совершено преступление, действительно сидел у своей знакомой. Тут все проверено — так оно и было.

— Ну, не знаю. Если уж у него такое зло было против Никодима Ефимовича, то он и подговорить... подкупить кого-нибудь мог. Ведь это уголовник! Это у нас, у таких, как мы, денег нет, а у него наверняка есть!

И тут ее мысль приняла другое направление.

— Но Алла... Алла! Ведь она ничего мне не сказала! Я понимаю, отца она не хотела тревожить. Но мне!

— Она не думала, что это серьезно. Да и никто так не думал, даже у нас. Мы полагали, что это простое телефонное хулиганство. Тут мы заблуждались.

— Она не любит говорить про свои непри-

ятности, — пробормотала Полина Федоровна. — И отец ее такой... был. (Она еще не привыкла говорить о муже в прошедшем времени.) Но разве это ее неприятности? Или, может быть...

Она посмотрела на Всехсвятского, словно хотела внушить ему какую-то мысль. Он догадывался, какую.

— Гитлер этот ваш... Ну, пусть даже не он. Но... если это не хулиган какой-нибудь уличный и не ваш Яковлев... Может быть, просто совпадение? Кому мешал Никодим Ефимович?

Зазвонил телефон. Полина Федоровна сняла трубку, послушала и сказала:

— Сейчас! — И, обратившись к Всехсвятскому: — Это вас, с работы, наверное.

— Ну, что слышно? — спросил Всехсвятский в трубку.

— Ваш Костурич отбывает пятнадцать суток! — сказал оживленный голос Никулина. — С 20 часов того самого дня. Вернее, того самого вечера.

— Интересно!

— Я тоже думаю, что интересно, Гень-Ванч!

Он повесил трубку. Соколовская смотрела на него с ожиданием: пока он во всем этом не разберется, все будут на него смотреть с ожиданием. В общем, все начинает выстраиваться, но уж очень ясно направление. Он не любил, когда направление с самого начала так ясно.

— Я вам очень благодарен! — сказал он с чувством.

Всехсвятский и в самом деле был благодарен Полине Федоровне. Кроме того, нечасто ведь встречаешь сверстницу, которую хочется представить пятнадцатилетней. Хорошая женщина. Такое горе, а в квартире убрано, цветы политы.

Предстояла встреча с Костуричем. Он уже знал о нем все, что было отражено в протоколах и в давнем судебном деле, знал и то, что о нем говорили в семье жены. Из всех этих сведений вставал человек вполне ничтожный. Бездельник. Всехсвятский считал всех бездельников потенциально опасными, тут он был согласен с Никулиным. Он распорядился привезти Костурича в управление: пускай Никулин тоже его посмотрит.

Костурич уже ждал в коридоре вместе с милиционером, который его доставил. Когда появился Всехсвятский, оба встали. Всехсвятский заметил, что Костурич выше милиционера на полголовы и держится очень прямо, развернув плечи по-спортивному. Шапку он снял; остриженная под машинку голова была небольшая, хорошей формы. Всехсвятский вошел к себе. Никулин был на месте, Щавинский собирал портфель и одновременно говорил по телефону, прижимая трубку плечом. Всехсвятский сказал:

— Ну вот, посмотрите сейчас на этого... бывшего зятя.

Никулин кивнул. Он всегда понимал с полуслова, ему не надо было перестраиваться, чем бы он ни был занят.

— Волевое лицо, что называется. И вообще такой супермен.

Никулин спросил:

— Вам как лучше, Гень-Ванч, чтобы я потом ушел, или как?

— Ты мне не помешаешь, — сказал Всехсвятский. — То есть, конечно, если у тебя ничего срочного.

— Срочного! — Никулин пожал плечами. — В Сестрорецке парня порезали, в больнице лежит. Знает, кто сделал, и не хочет говорить. Темнит что-то, то ли боится, то ли рассчитывает сам счеты свести. А между прочим, ранение проникающее, вряд ли выкарабкается. Что в таких случаях делать?

Они поговорили немного о том, что делать в таких случаях, а потом Всехсвятский сказал:

— Ну-ка, пригласи сюда Костурича!

Костурич вошел, все так же прямо неся голову. В дверях он на мгновение остановился, поздоровался и неожиданно для Всехсвятского улыбнулся жалкой улыбкой. Впрочем, улыбка, такая неуместная в его положении, увяла сразу, но Всехсвятский долго еще ее вспоминал. Она не вязалась с внешностью Костурича, с его твердыми чертами, свободными движениями; в ней было несоответствие, приспособление, то есть фальшь. «Ищет манеру, — подумал Всехсвятский. — Знаком с местами заключения и будет называть меня «гражданин начальник». Или «начальничек», чего доброго».

Щавинский сказал:

— Так я пошел, товарищи. Привет!

— До свидания, — сказал Костурич и вдруг покраснел и закусил угол губы.

Щавинский посмотрел на него с интересом, усмехнулся и вышел. Всехсвятский сказал:

— Скажите, Костурич, вы знаете, почему мы вас вызвали?

Костурич нахмурился и коротко сказал:

— Нет!

Под его худыми щеками выступили желваки, и он стиснул руки.

— И не предполагаете? — спросил Всехсвятский.

— Нет!

— Хорошо, — сказал Всехсвятский. — Тогда начнем по порядку. По протоколу, так сказать.

Пошли обычные вопросы: имя, отчество, фамилия, адрес... Всехсвятский быстро отстукивал протокол на машинке. Когда дошло до места работы, Костурич сказал:

— Вы же все знаете. Постоянного места работы нет у меня.

— С какого времени?

— Месяца два.

— А точнее?

— Летом я работал в багетной мастерской. Сбивал рамы.

— Почему уволились?

— По собственному желанию, — сказал Костурич.

— В каком месяце это было?

— Не помню. Кажется, в августе.

— Таким образом, выходит не два месяца, а несколько больше.

— Я еще работал чернорабочим в гастрономе.

— Сколько времени?

— Две недели.

— Почему уволились?

— По собственному желанию. Это было в прошлом месяце.

— Вам не нужен постоянный заработок? — поинтересовался Всехсвятский.

— Почему же? Нужен. Я и работаю.

— Сколько вы зарабатываете!

— Мне хватает.

— Вы ведь, кажется, выпиваете?

— Кажется, — подтвердил Костурич очень серьезно.

Всехсвятский пропустил мимо ушей возможную иронию.

— И вам хватает ваших заработков и на это?

— На это они почти целиком и уходят. Я, как видите, не пижон.

Он подбородком указал на оборванный лацкан своего вытертого пальто.

— Женаты?

— Разведен, есть сын.

— Алиментов не платите?

— Когда работаю — плачу. Но от моих алиментов проку немного.

Всехсвятский сказал:

— Гордиться тут нечем.

— А я и не горжусь.

Они помолчали.

— Какие у вас отношения с вашей бывшей женой? — спросил Всехсвятский.

— А вот это к делу не относится, — быстро ответил Костурич, словно давно уже ждал этого вопроса.

— Думаю, вы ошибаетесь. Так я повторяю вопрос: какие у вас отношения с бывшей женой?

— Решили, значит, заняться моим моральным обликом! — сказал Костурич.— Нормальные отношения, какие и должны быть.

— Вы встречаетесь?

— Иногда.

— Вы бываете у нее дома?

— Нет.

— Почему?

— Не очень-то меня там любят! — усмехнулся Костурич.

— Кого вы имеете в виду?

— Обоих стариков.

— Особенно тестя?

— Нет, пожалуй, обоих в равной мере.

— Вы с ними встречались с тех пор, как оттуда выехали?

— Нет.

— И по телефону не звонили?

Костурич насторожился, потом у него сделалось такое выражение, будто он что-то наконец понял.

— Если вы имеете в виду... Нет, я не звонил им по телефону. И не угрожал никогда, если вы это имеете в виду.

— Нет, не это.

— Тогда что же?

— В свое время узнаете. А теперь ответьте: что вы делали в субботу 19 ноября?

— В тот день, когда попал в вытрезвитель? Это вас интересует?

— Да, это нас интересует.

— Пожалуйста. Это уже ближе к делу. Утром был с сыном в зоологическом саду. Старики его привели.

— Продолжайте.

— Значит, утром был в зоологическом саду. Кстати, чтобы вы не думали, что я неточен: стариков я и в тот день не видел. Им открыла мать, а я к ним не выходил.

— Понятно, продолжайте.

— Никак я с этого зоологического сада съехать не могу. Ну, после этого мы с сыном вернулись ко мне домой, пообедали.

— Минуточку. В зоологическом саду вы были вдвоем?

— Да. Мать была дома, обедом занималась. Ну, после обеда ребенка положили спать, — у них в детском саду расписание, мы его соблюдаем.

— Вы никуда не выходили?

— Нет, я дома был. Мать ушла, я не мог мальчика оставить одного. Потом к нам зашла одна девушка, она над нами живет...

Костурич внезапно замолчал, и лицо у него потемнело.

— Ну, вот тут я и ушел. Не собирался пить, да у меня и денег не было, но так сложилось. Встретил старых знакомых, то да се. И вот кончилось всеми этими сутками.

Всехсвятский быстро отстукивал рассказ Костурича на машинке. Потом поднял голову:

— Дома выпили перед уходом?

— Нет.

— Ясно. Значит, сына оставили с посторонней женщиной, а сами ушли из дому, встретили собутыльников...

— Можете и так это расценивать. Но женщина эта — соседка наша, она всегда просит ее звать, когда Лодька у нас. Я спокойно могу на нее оставить ребенка. Тем более, мать должна была скоро вернуться.

— Все-таки почему вы ушли из дому?

— Это к делу не относится,— сказал Костурич упрямо.

— Сейчас все относится к делу. Ну? Почему вы ушли из дому? Куда вы пошли?

Костурич помолчал и сказал нехотя:

— Я хотел пойти в кино.

— Значит, сын был у вас, а вы вдруг решили отправиться в кино?

— Именно так.

— На какую картину?

Костурич поднял глаза, вспоминая. Потом покачал головой:

— Не помню.

— Подумайте. Я вас не тороплю.

Костурич, помолчав, сказал:

— Нет, не вспомню. Память стала... «Осыпает мозги алкоголь».

— Что?

— Это цитата. Есенин. «Черный человек».

— Хорошо. Значит, вы пошли в кино. Или поехали?

— Поехал, если это важно.

— И куда приехали?

— Кино на углу Мартыновской и Петровской знаете?

— Это рядом с домом, где живет ваша бывшая жена?

— Напротив, наискосок.

— В котором часу это было?

— Часов в пять, вероятно. Или в шесть.

— А точнее?

— Точнее не могу. Я человек счастливый, часов не наблюдаю.

— Интересно,— сказал Всехсвятский.

Он взглянул на Никулина. Тот смотрел только на Костурича. Всехсвятскому показалось, что он даже не дышит.

— Попробуйте вспомнить все-таки. Пять часов было или шесть?

Костурич помотал головой.

— Никак. В магазине уже было полно народу, это могу сказать с уверенностью. Вечер субботний, сами понимаете!

— А при чем тут магазин? Вы ведь ехали в кино?

— Не попал я в кино,— сказал Костурич.— Встретил знакомых, ну, и началось тут... Вот, влетел на пятнадцать суток.

— Вы помните, за что получили пятнадцать суток?

— Я-то сам не помню... Мне потом крепко напомнили. Будто бы я по морде кому-то съездил... Какому-то Фомину. Ничего не помню. Наверное, так и было.

Он посмотрел на Всехсвятского очень пристально.

— Вот тут начинается то, ради чего вы меня позвали. Верно? Что, это какой-нибудь крупный гусь, этот Фомин?

Всехсвятский промолчал.

— Может, он расхворался после нашей дружеской беседы?

— А вы как думаете? — спросил Всехсвятский. — Может человек расхвораться после такой вот дружеской беседы с вами?

— Не та во мне сила,— сказал Костурич.

— Ну, если иметь в руках что-нибудь тяжелое...

— Вы что, серьезно? — спросил Костурич с изумлением.— Неужели я в самом деле... Но чем? Бутылкой?

— Вам лучше знать,— сказал Всехсвятский.

Костурич осел, сгорбился, словно обвис... Потом прокашлялся и наконец сказал:

— Вот, значит, что.

Всехсвятский продолжал:

— Вы мне, однако, не досказали. Расскажите все, что вы помните. Когда вы решили не идти в кино, кого вы встретили...

— Да уж какая теперь разница,— сказал Костурич разбитым голосом.— Хотел я одного человека встретить... Жену, собственно говоря... Ну, иду, а у гастронома знакомые... Володька, Толич, Марьи Николаевны муж — заведующая там Марья Николаевна. Ну, я их знаю, они меня знают... Они говорят: уехала твоя жена, мы видели. Они же всегда там на углу всех видят. Ну и пошло: давай с нами, муж Марьи Николаевны вот при деньгах, угощает! Одним словом, вот так... Ну, я теперь быстро готов делаюсь. Мне много не надо. Но откуда этот Фомин взялся, с чего он пришел на свою шею приключений искать? Ладно! В общем, так мне и надо!

— Да,— сказал Всехсвятский.— Вам тоже что за нужда была непременно в этот день в кино ездить?

— Судьба,— сказал Костурич.

— Судьба-то судьба, но почему вы ее около своего бывшего дома нашли? Что вас туда повлекло?

— Именно повлекло,— усмехнулся Костурич.— Что вы еще стараетесь выяснить? Я ведь не отказываюсь... Фомин так Фомин. Дальше солнышка не пошлют, две лопаты в руки не дадут. Ведь он жив? — И сам себе ответил: — Да жив, наверное... Если бы не был жив, вы бы не так со мной разговаривали.

Всехсвятский сказал:

— Фомин жив, вы правы. А Никодим Ефимович умер.

— Как... Никодим Ефимович?!

Его потрясение было неподдельным. Или до того хорошо разыгранным, что казалось неподдельным.

Продолжение следует.

СУДЬБА КАЗАКА НАЗАРЬЕВА

С детства привык Игнат гордиться своим «ровесником» — мостом через Ольховую, не преминул похвастаться им и перед любимой: «А вот этот мост — назарьевский... Подарок всем хуторянам. Дед мой и отец строили на свои кровные денежки».

Четверть века спустя темной осенней ночью сорок второго года своими руками взорвет Игнат назарьевский мост, чтобы не прошли к Сталинграду вражеские танки.

Перед нами — главный герой повести Ивана Пузанова «В канун бабьего лета». Перед нами — его жизнь, преимущественно внутренний мир Игната, ибо особенно крупными событиями жизнь Назарьева не богата, перед нами — сложная эволюция характера, складывавшегося в годы коренной перестройки общественных отношений на Дону, в годы становления и укрепления Советской власти, утверждения социалистического строя.

В начале повести мы видим Игната хуторским парнем, молодым, красивым, всецело поглощенным своей первой и, как оказалось, единственной любовью. Прирожденный хлебороб, он сызмальства приучен к труду и работает в охотку, как бы играючи. Да и на скачках приходит к финишу первым,— дед растил настоящего казака, мальчонкой верховой езде обучал.

Революция резко изменила привычный уклад донских станиц и хуторов. Окружающие Назарьева решают, с кем им идти, а Игнат «решил обождать, со стороны поглядеть на то, как будет меняться жизнь». «Никогда Игнат не задумывался над тем, откуда берутся деньги, куда и как уходят, как и сколько платят работникам. Никогда не вникал в то, почему у одного хозяина земли и быков больше, у другого меньше».

До поры до времени и сама жизнь «обходит стороной» Назарьева. Хуторяне строили колхоз — Игната не звали. Выселяли кулаков из хутора — Игната не тронули. Не раз и не два подбивал его атаманский внук Сысой Шутов пойти против тех, «что в Советах сидят»,— отшатнулся Игнат от Сысоя. Прибегал двоюродный брат Демочка, хуторской активист,— слушал его рассказы Назарьев с любопытством, но без сочувствия.

Автор строит повествование так, что за сложным процессом рождения коллективного хозяйства на казачьей земле, с его трудностями, с неизбежными ошибками и промахами читатель следит как бы глазами Игната. Тем убедительнее оказывается в книге победный ход нового.

Конечно, таил Назарьев обиду на Советскую власть, отобравшую отцовское богатство,— но не настолько прикипел он душой к усадьбе да к мельнице. Главное, обида эта сплеталась с другой, незаживающей: не мог он простить мастеровому Дмитрию Картенникову, рабочему-агитатору, что ушла к тому невеста Игната, Любава. «И как мог, Назарьев выплескивал из души желчь, хоть и знал, что уж ничего не изменить».

Стал он присматриваться к порядкам в колхозе, подмечать недостатки. Глаз у Игната хозяйский, острый, и его замечания были подчас небесполезны для председателя, у которого не на все хватало времени, а порою и опыта.

Шли годы, и перемены, свершавшиеся вокруг, исподволь, как бы помимо его собственной воли, воздействовали на Игната. Сказались и долгие месяцы работы на шахте, где увидел Назарьев «особых людей, непохожих на хуторян», где понял, что «заботы тут другие — большие, и жизнь другая». И когда предложили ему пойти в бригаду — строить конеферму, он согласился. Согласие это явилось закономерным итогом медленного, но неуклонного формирования Игната как общественной личности.

Так же достоверно и живо, в непрерывном развитии рисует автор характеры других героев повести. Среди них особенно выделяется Демочка — вчерашний робкий пастушонок, стеснявшийся своей бедности, выросший затем в настоящего коммуниста, пользующегося всеобщим уважением.

Высоко оценивая в своем предисловии художественные достоинства повести «В канун бабьего лета», Анатолий Калинин подчеркивает, что «Иван Пузанов шел в большую литературу... от неоспоримого знания стихии народной жизни и народной речи, от жажды рассказать людям о том, что так было близко ему, дорого его сердцу».

Н. ЦВЕТКОВА

Иван Пузанов. В канун бабьего лета. М., «Современник», 1974, 284 стр.

Вл. ПИМЕНОВ

ЕЛЕНА ШАТРОВА

Елена Митрофановна Шатрова как бы соединила в себе и старый, прославленный Малый театр и сегодняшний молодой Малый театр, живо и горячо разговаривающий с современниками. И действительно, традиция для театра — это нечто зримое, это актерский талант, имя, лицо, голос. И хоть не повторяются Щепкин и Ермолова, Мочалов и Ленский, но они словно отдают частицу своего дарования творческой смене.

Елена Митрофановна Шатрова — явление в Малом театре особенное. Наследница славного прошлого, сама игравшая с Яблочкиной и Рыжовой, Турчаниновой и Пашенной, она в то же время живое настоящее Малого театра, его активный современный день. Сложный драматический талант, целиком вскормленный эпохой театра минувшего, талант, целиком раскрывающийся в эпоху нынешнюю,— так могут жить только самые большие художники, не уходящие вместе с временем, их породившим... Особенно часто встречаем мы именно такие актерские судьбы в Малом театре, возникшем как второй университет, как высокая гражданская кафедра, где впервые прозвучало почетное звание — народная артистка республики, присвоенное Марии Николаевне Ермоловой.

Оставаясь сама собой, Шатрова в то же время каждой своей ролью повествует нам о тех, кто составлял бессмертную славу Малого. Удивительная правда, идущая от могучей семьи Садовских да и всех рыцарей сценического реализма, звонко и молодо живет в творчестве Шатровой. Тут и кокетливое, задорное, комически одушевленное дарование прелестной Лешковской. Тут — в выверенной технике актрисы — блистательное умение великой Федотовой облекать живое движение души в четкую и единственную форму. А ведь Федотова брала уроки у самого Щепкина!

Так современное искусство Шатровой своими корнями уходит в самые недра, в самые глубины, в самые истоки театра.

Но, вбирая лучшее, что было создано на сцене Малого, Шатрова и неповторима: она сама создает традиции. Молодежь учится у нее. Сама она уже целый театр со своими законами, со своей поэтикой.

В чем же ее неповторимость? Быть может, в том, что давно стало непременным условием для таланта Елены Митрофановны Шатровой: быть шире амплуа. Быть шире любых регламентаций.

Кто она, комедийная или трагическая актриса, играющая одновременно Матрену во «Власти тьмы» Толстого и Чебоксарову в «Бешеных деньгах» Островского, равно владеющая и вершинами драмы и заразительным смехом? Нет, не надо причислять Шатрову к тому или иному жанру в искусстве: она комедийная актриса, она драматическая актриса, она актриса тонких психологических переживаний, она актриса сочного народного лубка. Ей равно подвластны и быт, и обобщение, и символ, и почти натуралистически правдивое изображение реальности. Так было при начале сценической карьеры Шатровой, так выглядит ее искусство и сегодня: она и сейчас играет старую мамку в «Царе Федоре», она и сейчас покоряет зал в роли светской дамы Чебоксаровой-старшей.

Когда смотришь, как играет Шатрова, быть может, наиболее осознанные ощущения — это чувство спокойствия, радости, уверенности, но и волнения. Здесь нет места случайностям, промахам, слабостям, недоигранности, недосказанности, надежды на знаменитое богемное «авось». Здесь высокая техника, сближающая Шатрову с основами системы Станиславского, с традициями МХАТа. Но актриса появляется перед зрителями легкая и вдохновенная: огромный труд как бы остался в репетиционном зале, а тут яркий свет, радость, все легко и естественно.

И что бы ни играла Шатрова, какие бы ни исполняла роли мирового классического и современного репертуара — в искусстве ее всегда есть улыбка. Это актриса веселая. Если так можно сказать, веселая социально. Она видит свет и добро всюду — и даже там, где их увидеть вроде бы почти невозможно, она все равно их видит. Озорство, лукавство, милая ирония и улыбчивый юмор, грация и шутка, веселое обаяние — все это словно в неповторимый цвет окрашивает искусство Шатровой. И еще доброта. В Малом театре вообще было принято становиться скорее адвокатами своих героев, нежели их прокурорами. Таким адвокатом на сцене была Ермолова; им остается и Шатрова. Они так понимают человека, так пристально вглядываются в его внутренний мир, что героя уже невозможно осуждать бесповоротно: надо раскрыть причины греха, причины беды, причины дурного поступка. И тогда пожалеешь, поможешь человеку стать лучше и чище...

Шатрова сыграла такое количество ролей, что может показаться, будто перед ее зрителями живет целый город. А это она одна рассказала о таком множестве судеб, характеров, мыслей, типов жизни и любви. Сама душа ее породила все эти образы, словно они были заложены в ее собственной судьбе.

Елена Митрофановна Шатрова прошла большие художнические университеты, и всюду она черпала новое — брала, а не теряла богатство души на сложных творческих дорогах.

В Малом прошла — и не прошла—сценическая судьба Шатровой. Судьба активная и неповторимая. Здесь все ее силы обрели воплощение, и мы можем видеть это сегодня прежде всего в богатейшем репертуаре. Коронные роли Шатровой — роли Островского. Лидия Чебоксарова, а затем и Надежда Чебоксарова («Бешеные деньги») — две хищницы, знающие только деньги, только в них понимающие счастье.

Островский их написал и разными и одинаковыми. Они одинаковы в своей жажде наживы, они различны в средствах достижения цели. Средства у дочери более современны, откровенно циничны, у маменьки старомодны. Но и Лидия и старшая Чебоксарова не только осуждены Шатровой, не только высмеяны с присущим актрисе лукавством — они еще и защищены ею! Да, защищены... Защита эта — в понимании причин, породивших характеры барынек — злобных и жалких, властолюбивых и... несчастных. Глупо воспитанных, незначительных, но в чем-то и незаурядных.

Актриса играет сегодня Чебоксарову-старшую в спектакле, где Лидия — Элина Быстрицкая. И снова в зале смеются и ужасаются, осуждают и оправдывают... Когда Чебоксарова — Шатрова — светская дама, надутая и холодная в своей чопорности,— на секунду становится искренней, видишь: никому она не нужна, эта жалкая, бедная старуха!.. А дальше снова покатилась комедия. Снова напыщенна и вздорна старшая Чебоксарова. И ее не жаль, до следующей новой, столь же пронзительной секунды...

Хорошо знают Елену Митрофановну и в советском репертуаре: неверная и лукавая Панова, сильная, яркая Гринева...

Сегодня, когда так активно и смело вошла в жизнь тема «деловой женщины», командующей производством либо стоящей у станка, нельзя не вспомнить, что одной из «первых ласточек» была Шатрова в роли Гриневой. Профсоюзный работник, жена директора завода, Гринева выступает и против устаревших методов труда и против заблуждений мужа... Героиня была значительна, умна, очаровательна. Она и слаба как женщина и сильна как женщина...

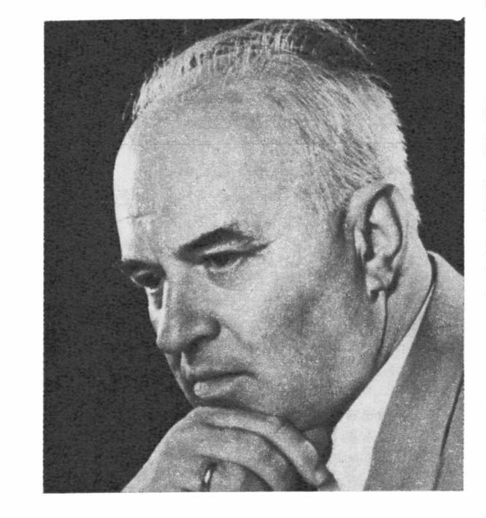
Шатрову нельзя представить себе вне общественной жизни. И это тоже заложено в традициях Малого театра, в самой его гражданской атмосфере. Многие годы работает Шатрова во Всероссийском театральном обществе, на том участке, который ей ближе всего: заботясь об артистах, их отдыхе, лечении. Добрый человек находит доброе дело; доброе дело находит доброго человека...

Однажды в Карловых Варах я встретил своих любимых актеров: огромный, громогласный красавец Ливанов обращал на себя всеобщее внимание, Шатрова же была тиха, скромна, и я подумал, как это прекрасно, что советская сцена так многообразна, так разнолика...

Малый театр накануне своего славного юбилея. И среди тех, кто приходит к юбилею с огромным и прекрасным багажом творческих достижений, народная артистка Советского Союза Елена Митрофановна Шатрова.

Ю. А. ЗУБКОВУ — 60 ЛЕТ

БОЛЬШИЕ ЗАБОТЫ КРИТИКА

Н. АНКИЛОВ

Трудно определить меру ответственности критика за формирование мировоззрения, взглядов и вкусов читателей и зрителей, за судьбы искусства. Критик прежде всего идейный борец.

К когорте советских критиков, продолжающих лучшие традиции русской критической мысли, принадлежит Ю. А. Зубков, чье шестидесятилетие отмечает литературная и театральная общественность.

Критический талант Юрия Зубкова прежде всего в том, что он рассматривает явления искусства с позиций партийной убежденности, с высоты передовой прогрессивной мысли. Его статьи, как правило, недвусмысленно ставят вопрос перед писателем, режиссером, артистом: ради чего, ради каких целей вы взялись за перо, вышли на сцену?.. Ради ли того, чтобы напомнить человеку о его величии или — унизить его? Способствует ли ваша деятельность торжеству идей гуманных, возвышенных?! Ведь каждая написанная нами фраза, произнесенная со сцены реплика, каждая мизансцена ложатся на чаши весов извечно противоборствующих сил — добра и зла... Наша коммунистическая мораль, наши помыслы гуманны, прогрессивны, проникнуты любовью к человеку, служить искусству в наше время — значит бороться за торжество коммунистической морали.

Утверждения эти могут показаться прописными. Но именно они-то чаще всего и вызывают кое у кого раздражение. Ах, как хотелось бы нашим идейным противникам, чтобы мы реже задумывались над этим, а еще лучше, если бы не задумывались вовсе!

Высокая идейная требовательность Ю. А. Зубкова сочетается с требовательностью эстетической. Вспоминается случай, имеющий уже прямое отношение к автору этих строк. В одном из театров России была поставлена «Солдатская вдова». Ставил ее умудренный опытом, известный в стране, безусловно талантливый режиссер.

Не берусь со своей, авторской колокольни судить о том, как создавался спектакль. Могу лишь засвидетельствовать, что прошел он с явным зрительским успехом. Юрий Александрович в этот вечер, вероятно, не желал портить праздничное настроение в театре; разговор состоялся несколько дней спустя, во время встречи критика с коллективом. И надо было слышать этот разговор! Принципиальные, точные и очень дельные замечания, неопровержимая логика суждений, казалось, не оставляли от спектакля, что называется, камня на камне.

Честно признаюсь: зная, с каким увлечением режиссер и актеры работали над пьесой, я тогда малодушно подумал: «Ну зачем так уж строго?.. Недостатки есть, но у кого их не бывает?.. Спектакль в общем-то получился».

Что и говорить, вопрос был поставлен круто, и я ушел с этого обсуждения с тяжелым чувством. Как мне показалось, режиссер тоже был немало обескуражен. Но зато в театре уже на другой день началась над спектаклем работа, да такая, что спектакль до сих пор живет на сцене.

Недавно я рассказал об этом одному молодому критику, хорошо знающему Юрия Александровича. В ответ же услыхал нечто совершенно противоположное. Личные душевные качества, талант критика как бы повернулись ко мне иной гранью, не менее драгоценной. Суть истории такова. Как-то во время семинара молодых критиков, организованного ВТО, в группе, которой руководил Зубков, после просмотра работы одного из столичных театров было организовано обсуждение спектакля; ставил его молодой режиссер, только начавший свой творческий путь. Вполне естественно, что были просчеты. Молодые критики с запальчивостью, свойственной возрасту, обрушились на режиссера. Зубков слушал внимательно и, когда все высказались, заговорил, к немалому удивлению своих учеников, не о спектакле, но об этических нормах критики. Да, сказал он, просчеты есть, но почему вне поля зрения остались достоинства. Не очень удачный спектакль можно доработать, «дотянуть», но крылья, однажды подрезанные, потом долго не могут окрепнуть...

Давно замечено, что талант и доброжелательность находятся в прямой зависимости. Талантливый критик умеет охватить взглядом все произведение в целом; Ю. А. Зубков обладает и этой способностью. Сколько начинающих драматургов, актеров, режиссеров получили и получают поддержку со страниц возглавляемого им журнала «Театральная жизнь»! Широко известны книги Ю. Зубкова по театроведению, сборники статей. Роль его в воспитании работников театра трудно переоценить.

Юрий Александрович Зубков — критик беспокойного сердца. И, как всякий искренне влюбленный в свое дело человек, он постоянно озабочен завтрашним судьбами нашего социалистического искусства.

ГАСТРОЛИ

УЕЗЖАЕМ СЧАСТЛИВЫМИ...

Город Нашвилл в штате Теннесси — музыкальная столица США, столица любимого американцами музыкального жанра, пришедшего из поселений горных районов Южных штатов и получившего название «Кантри-мюзик», что дословно означает сельская, то есть народная, музыка американцев, живущих за пределами больших городов.

Кантри берет начало от фольклорной музыки Старого Света, привезенной в Америку европейскими поселенцами. Из мотивов традиционных народных напевов родилась на американской земле совершенно новая музыка, особенно прижившаяся в бедняцких районах американского Юга, где питательной ее средой стали надежды, беды и радости поселенцев, со-

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

НОВЕЛЛЫ О БУДУЩЕМ

Метнулся по экрану олень, неся красноватым глазом, потом второй, третий, и вот уже сплошным вихрем несутся они по кругу, и, кажется, немыслимо их остановить. Но вот неожиданно точным, «взрослым» движением бросает мальчишка аркан на оленьи рога, останавливает зверя... Отец этого мальчишки-чукчи — оленевод, как дед и прадед. Может быть, он тоже станет оленеводом, а может быть, и строителем или композитором. Но это потом, в будущем... А сейчас будущее Чукотки сидит за партами! Будущее Чукотки — это дети. Да и не только Чукотки — всей страны.

О детях самого восточного края нашей земли рассказывает первая новелла телевизионного документального фильма «Счастливое детство», созданного на Центральном телевидении режиссером Т. Шахвердиевым и оператором А. Громовым.

...По заснеженной дороге, петляющей между крышами аула, идет человек. Он серьезен и невозмутим, как и подобает настоящему горцу. На голове — папаха, тоже настоящая, хотя держится на голове только потому, что у горца оттопыренные уши, а от роду ему едва ли больше восьми лет. Гордо идет настоящий этот горец по аулу Кубачи, известному своими мастерами не только у нас в стране. Прекрасно их ювелирное искусство!.. Мы видим класс, где ребята учатся искусству своих отцов. И зрелище это вызывает не желание умилиться при виде славного детского личика, склоненного над серебряным листом, а скорее уважение к тому недетскому упорству, с каким стремится ученик оживить лист серебра...

Порой кажется, что детей снимать легко: вряд ли кто не улыбнется, не посмотрит добрыми глазами на ребячью физиономию — веселую или грустную, простодушную или хитрую. Действительно, к детям все мы относимся по-доброму. Но в рассказе о них важно прежде всего желание автора заинтересовать нас внутренним миром ребенка, формирующейся человеческой личности. А это уже гораздо более трудная задача. И радостно, что с нею прекрасно справился Т. Шахвердиев, когда писал сценарий, а потом снимал свой фильм.

Детей в фильме много, но они все запомнятся: и потому, что уж очень разные, и потому, что каждый из них — это вступление в жизнь... Вот мальчишка из школьного литературного кружка села Константиново, на Рязанщине, читает стихи о своем великом земляке... Вот танцует девочка с далекой Камчатки; ее танец легок и воздушен. Но когда камера оператора приближается к ней, нам видны крупные капли пота — без них невозможен прекрасный и тяжкий труд балерины. А за кадром голос: «Я хочу стать артисткой. Я стану артисткой». И, наверное, станет!

Дети стали героями этого фильма. Они грациозны и мечтательны, деятельны и застенчивы... И в каждом — будущее. Далекий завтрашний день, который видим мы сегодня.

Л. ЛУКЬЯНОВА

На снимке: кадр из фильма «Счастливое детство».

бытия их повседневной жизни. Изолированность маленьких общин придала ей особый стиль и характер. В то же время на просторах Америки распространялись африканские напевы, пришедшие в страну с рабами-неграми. Опасаясь, что звуки тамтамов напомнят неграм о свободе и былом величии вольных африканских племен, плантаторы-рабовладельцы запрещали пользоваться ударными инструментами, но привычные ритмы, песня и музыка были для негров зачастую единственным способом рассказать об ужасах и горе рабства, подневольного труда. Изобретательные негры обтянули каркас барабана кожей и приладили четыре струны — так родилось банджо, которому суждено было стать ведущим инструментом американской народной музыки. На незамысловатых скрипочках, гитарах и банджо исполнялись песни, за которыми стояла культура, богатая традициями баллад и рождественских гимнов, выражающих всю жизнь поселенцев.

Радио, звукозапись и кино разнесли мелодии кантри не только по всей Америке, но по всему свету. Миллионы людей полюбили эти незатейливые, но милые, привлекательные песни простых людей. Кантри-мюзик сохранила свою популярность даже в период нашествия рок-н-ролла и пережила его по очень простой причине: рок-н-ролл был всего лишь модой. Кантри-мюзик же была и остается именно народной музыкой; в этом секрет ее успеха.

Советская аудитория знакома с этим жанром по пластинкам и радиопередачам. А не так давно в Москве выступал один из ведущих авторов и исполнителей кантри — Джордж Гамильтон IV. Оказалось, что новые его слушатели, в частности студенты Московского института иностранных языков, знали многие песни и пели их. Сейчас любители этой музыки в Советском Союзе еще ближе познакомились с музыкальным творчеством простого народа Америки: в сентябре — октябре в Ереване, Тбилиси, Баку, Ленинграде и Москве гастролировала труппа артистов ведущего коллектива кантри-мюзик «Оприленд, США» с участием таких известных звезд этого жанра, как Теннесси Эрни Форд и Сэнди Бернетт.

Что такое «Оприленд, США»? В окрестностях музыкальной столицы США города Нашвилла, в парке отдыха и развлечений, находится «Земля музыки». Тут и царит музыка кантри — главное развлечение этого парка. Душою «Земли музыки» является труппа «Оприленд», где занято более двухсот певцов, танцоров и музыкантов со всей Америки. Как говорит прославленный ветеран народной американской музыки Теннесси Эрни Форд, весь коллектив, а также и многие другие артисты участвовали в конкурсе, добиваясь почетного права представлять музыку американского народа в Советском Союзе. «Тяжелый был конкурс,— говорит Форд.— Мой сын тоже работает в «Оприленд», и вообще-то он хороший исполнитель, но... конкурса не выдержал! Надежды, однако, не теряет: говорит, что в следующий раз обязательно выйдет победителем!» На этот раз победителями были другие молодые американцы. Танцоры, певцы и музыканты — 21 человек из «Оприленд» — составили группу, посетившую Советский Союз. Они показали программу, специально написанную доктором музыковедения Джорджем Мэбри для гастролей в СССР. Здесь прослеживается вся история музыки кантри, от самых ее истоков.

Всюду, где выступал этот ансамбль, зрителей захватывали с первых же мгновений веселые, проказливые, искрометные танцы, лирика ненавязчивых, милых песен, ковбойские мелодии; потрясающе исполняемая Теннесси Эрни Фордом знаменитая песня о нелегкой жизни и труде шахтеров «Шестнадцать тонн»...

И Форд, и Бернетт, и другие члены ансамбля говорят, что они были счастливы встретиться с советскими людьми. Отзывчивость и теплота аудитории превзошли все их ожидания.

— Мы уезжаем счастливыми! — говорят артисты в один голос.— До новых встреч!

Ю. ЗАРАХОВИЧ

БУРЯ НЕ ЗА ГОРАМИ!

Сало **ФЛОР**,
международный гроссмейстер

Ровно месяц Анатолий Карпов и Виктор Корчной ведут острый спортивный спор в Москве. Для их творческой работы созданы идеальные условия. На московский климат двум ленинградским гроссмейстерам также нет основания жаловаться. В столице стоит чудесная, солнечная погода. И все же не повезло Корчному: накануне десятой партии из-за болезни ему пришлось впервые взять тайм-аут (каждый участник имеет право на тайм-аут три раза). Поэтому четвертая шахматная неделя была короткой: сыграны только две партии.

С новыми силами гроссмейстеры ринулись в бой в среду. Никого не удивило, что Корчной снова избрал французскую защиту, а Карпов и на сей раз не смог получить дебютное преимущество. Молодой гроссмейстер не любит необоснованного риска, но охотно идет на осложнения, причем иногда сам признается, что переоценил свои шансы. Инициативу перехватил Корчной. Впервые ему удалось отложить партию с лишней пешкой. Мелочь, а приятно. Конечно, лишняя пешка не такая уж мелочь, но в данной ситуации большого практического значения она не имела, и Карпов почти шутя добился ничьей.

Карпов выиграл одну партию на первой неделе в Колонном зале, вторую — в зале имени Чайковского. Начиная с седьмой встречи идет «ничейный дождь», и в одиннадцатой партии Корчной переменил пластинку: пошел не со слоновой, а с ферзевой пешки. Надо же действовать! Карпову особенно торопиться некуда, лидируя со счетом 2 : 0, он, возможно, думает так: «Пусть «бросается» Корчной». Но особенно «бросаться» Корчному опасно: как бы счет не стал 0 : 3. Вот почему оба гроссмейстера стараются играть на выигрыш, но, как принято выражаться, с ничьей в кармане.

Такой характер по дебюту носила и одиннадцатая партия. Однако два замечательных бойца в миттельшпиле забыли про 2 : 0 и про 3 : 0 и стали просто играть в шахматы. Особенно Корчной. Он заварил такую кашу, что разобраться в ней было крайне трудно. Корчной известен больше как защитник, но тут он атаковал с юношеским темпераментом. Карпов больше известен как шахматист атакующего стиля игры, но в этой партии он выступал в роли первоклассного защитника. Просто поразительно, с каким хладнокровием, с каким мастерством он находил единственные ходы в критической позиции.

Второй раз подряд Корчной отложил партию с лишней пешкой, и снова эта пешка не дала ему никаких шансов на выигрыш. Более того: после окончания новой встречи молодой гроссмейстер заявил, что напрасно все обозреватели написали, что у Корчного были какие-то шансы. «Я считал мою позицию лучшей!» И в самом деле, при доигрывании Карпов стал играть на выигрыш, но слегка переборщил и получил шансы на проигрыш.

Это была самая длинная партия (81 ход), которая продолжалась больше девяти часов. В заключительной части партии Карпов даже остался без двух пешек, но ничью он все же сделал.

Пятый раз подряд появилась на демонстрационных досках табличка с текстом — «Ничья». Девять ничьих из одиннадцати сыгранных партий! Многовато! И любители острых ощущений недовольны. Но если изучать все ничьи в этом матче, то не найдется ни одной бесцветной, так называемой гроссмейстерской. Взять хотя бы одиннадцатую партию, о которой речь шла выше. Сколько нервов она стоила участникам! Корчной в этой партии три раза, Карпов два раза попадали в цейтнот.

Я видел грустное выражение лица Корчного, когда наконец закончилась эта затяжная партия. Никак ему не удается сломить упорного, цепкого Карпова. Неоднократно молодой гроссмейстер попадал в опасное положение, но каждый раз успевал вовремя открыть парашют.

В зрительном зале, в пресс-бюро звучат уж слишком строгие голоса: «От Карпова и Корчного мы не ожидали серию из пяти ничьих». Надо сказать, что Карпов с Корчным не первые и не последние шахматисты, у которых получается никому не нужная ничейная серия. У Капабланки с Алехиным в их матче в 1927 году бывали серии по 7—8 ничьих подряд. Что правда, то правда: они вели борьбу в осторожном стиле. Но вспомним матч М. Ботвинник — Д. Бронштейн в 1951 году. Их в излишней осторожности не упрекнешь: они очень часто балансировали на канате и все же зарегистрировали пять рядовых ничьих.

В день приезда в Москву президента ФИДЕ М. Эйве игралась двенадцатая партия матча, которая снова завершилась ничьей. Половина дистанции пройдена, экватор матча позади? Официально это не совсем правильно. В этом матче трудно сказать, где его половина. Ведь матч немедленно прекращается, как только один из гроссмейстеров выиграет пять партий.

Сегодня ясно одно: ошиблись те гроссмейстеры, которые предсказали, что матч закончится в районе от 10-й — 12-й партии. Так считал, например, Н. Падевский (Болгария). Нет, нет. Борьба в этом матче была, есть и еще будет!

Поскольку ничейные партии протекают исключительно напряженно, то ничейную серию нельзя назвать затишьем перед бурей. И все же буря не за горами. Что-то в ближайших партиях должно произойти — таков закон шахматной борьбы, таков закон спорта.

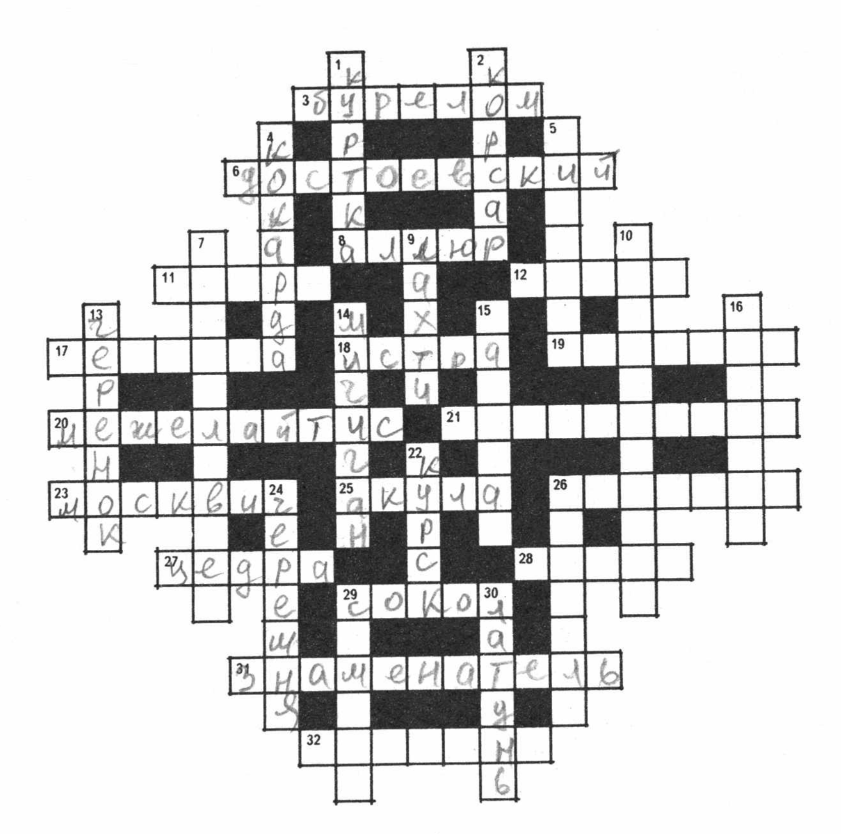

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

Редакцию «Огонька» посетила госпожа Марджори Ярес, главный редактор журнала «Америка», издающегося на русском языке. Она ознакомилась с работой редакции, рассказала о деятельности журнала «Америка», направленной на дальнейшее развитие культурных отношений между США и СССР.

На снимке: Марджори Ярес в редакции «Огонька».

Фото Г. Копосова.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Картина И. И. Шишкина. 6. Русский писатель. 8. Бег лошади. 11. Вид повествовательной литературы. 12. Стихотворный размер. 17. Оркестровый музыкальный инструмент. 18. Река в Московской области. 19. Русский хоровод. 20. Литовский поэт. 21. Наука о воспитании, образовании и обучении. 23. Марка автомобиля. 25. Морская рыба. 26. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 27. Пряность из высушенной апельсиновой или лимонной корки. 28. Черта, линия. 29. Хищная птица. 31. Часть дроби. 32. Английская разменная монета.

По вертикали: 1. Верхняя одежда. 2. Балет А. Адана. 4. Значок на форменном головном уборе. 5. Сочетание двух гласных звуков в одном слоге. 7. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Лес». 9. Город в Финляндии. 10. Русский композитор XIX века. 13. Ветка для прививки или посадки. 14. Штат в США. 15. Совокупность всех снастей судна. 16. Овощ. 22. Областной центр в РСФСР. 24. Плодовое дерево. 26. Легкая хлопчатобумажная ткань. 29. Приток Атрека. 30. Сплав меди с цинком.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 5. Рожок. 7. «Даурия». 8. Тополь. 9. Сталактит. 11. Юнона. 13. Кроки. 15. Рулон. 17. Маркаколь. 18. Лирохвост. 20. Напев. 22. Сцена. 23. Тираж. 25. Чемпионат. 28. «Марица». 29. Болеро. 30. Саксе.

По вертикали: 1. Вожеватов. 2. «Пряха». 3. Октет. 4. Бамако. 6. Глагол. 9. Станкевич. 10. Термостат. 12. Нарва. 13. Колос. 14. Ирина. 16. Опока. 19. Зелинский. 21. Причал. 24. Реверс. 26. Миасс. 27. «Набег».

На первой странице обложки: В колхозе «Ленинизм» столичной области Узбекистана девушкам-передовикам хлопковой страды вручают красные косынки.

На последней странице обложки: Ташкент. Филиал Центрального музея Владимира Ильича Ленина.

Фото В. Сваричевского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 30/IX—74 г. А 00649. Подп. к печ. 15/X—74 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2454. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2832.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СВОБОДУ НАРОДУ ЧИЛИ!

Е. Каждан. «ТАК БУДЕТ!»

Так называется выставка, которую организовали в Москве Советский комитет солидарности с чилийскими демократами, Министерство культуры СССР, Союз журналистов СССР, Союз художников СССР, редакция журнала «Крокодил» и Московская организация Союза художников РСФСР. На ней представлено более ста работ шестидесяти авторов.

Художники рассказывают зрителю о чилийской трагедии, разоблачают и гневно осуждают преступления перед демократией, перед свободой, совершенные реакционной хунтой, свергнувшей народное правительство Чили. Листы сатирической графики обличают деятельность иностранных монополий, сыгравших зловещую роль в событиях 11 сентября 1973 года, террор и насилие «горилл».

В своих плакатах советские художники призывают к солидарности, к борьбе за освобождение патриотов из тюремных застенков.

Вырученные от продажи рисунков деньги переданы в фонд помощи чилийским борцам за свободу родины. Часть работ отправлена в Стокгольм на международную выставку, а другая — поедет в Софию, на открывающуюся в ноябре также международную выставку «Чили сегодня и завтра».

М. АБРАМОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Кукрыниксы. В ОДНОМ СТРОЮ.

К. Иванов. ПЛАКАТ «СВОБОДУ КОРВАЛАНУ!»

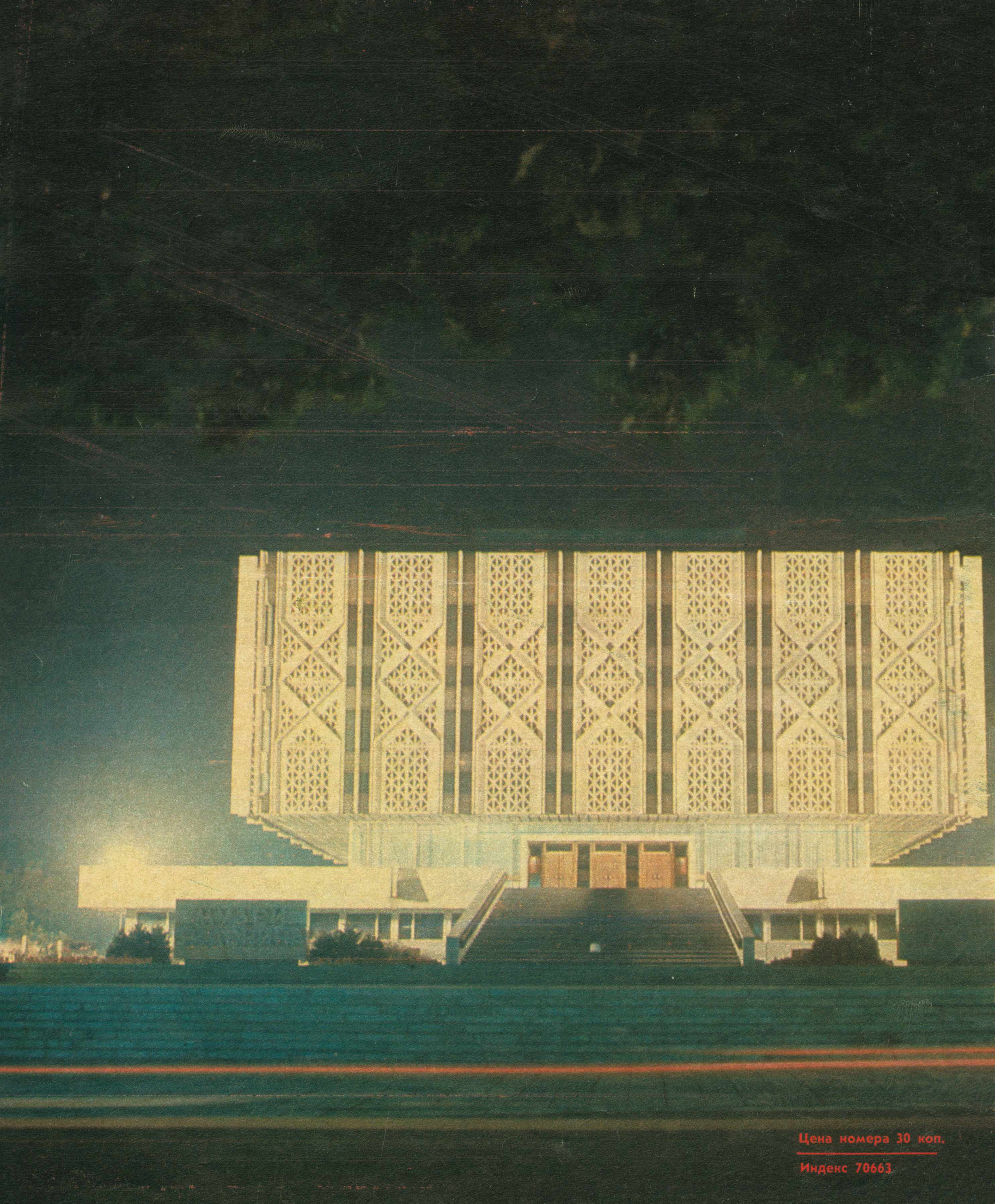

Б. Ефимов. ГОЛОС НАРОДОВ.

М. Абрамов. ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663